

ТАКАЛА Ирина Рейевна / TAKALA Irina

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра

Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

irina.takala@onego.ru

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В КАРЕЛИИ*

THE GREAT TERROR IN KARELIA

Abstract: Providing detailed description of the events that took place in Soviet Karelia in 1937–38, the article fills a much needed gap in the national historiography. The analysis of archival documents and the Memory Book of the Republic of Karelia (according to the database “Victims of Political Terror in the USSR” of the Memorial Society) allows identifying the Karelian specificity of the Great Terror, as well as suggesting explanation to the exceptional brutality and scope of mass operations in the republic. The Great Terror is defined as the highest phase of the Bolshevik population policy pursued since 1917.

Ключевые слова / Keywords: Политика населения, массовые репрессии, Карелия, Большой террор, оперативные приказы НКВД, кулацкая операция, финская операция / Population policy, mass repression, Karelia, the Great terror, the operational orders of the NKVD, the kulak operation, the Finnish operation

80 лет назад, 17 ноября 1938 г., было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», положившее конец Большому террору — массовым репрессиям 1937–1938 гг., жертвами которых стали около полутора миллиона человек.

Дискуссии относительно причин перехода сталинского режима от проводившихся ранее кампаний арестов или ссылок, нацеленных строго на определённые категории населения, к массовым репрессивным акциям, которые охватили все без исключения слои советского общества, ведутся уже не одно десятилетие¹. Выдвигая самые разные версии, большинство

---

* Статья подготовлена в рамках выполнения Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Реализация этнонациональной политики в Карелии в XX–XXI веках на фоне меняющейся информационной среды региона». Регистрационный номер: АААА-А18-118020990109-0 и в рамках выполнения государственного задания Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр РАН». Регистрационный номер темы АААА-А18-118030190093-9.

¹ Историкографический обзор всей огромной литературы по Большому террору не входит в задачи данной статьи, мы можем лишь отослать читателя к историкографическим обзорам последних лет: Хлевнюк О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 433–451; Keep J. L. H., Litvin Alter L. Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millennium. London; New York, 2005; Историография сталинизма / Под ред. Н. А. Симония. М., 2007; Степанов М. Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). Абакан, 2008; Кун Д., Литвин А. Эпоха

исследователей солидарно в том, что какое-то одно, универсальное объяснение государственного террора немыслимо.

Нам представляется продуктивной мысль Питера Холквиста о том, что политика «ликвидации вредоносных элементов», уходящая своими корнями в европейские практики XIX в. и переосмысленная большевиками сквозь призму марксизма, была одним из важных элементов «политики населения» и новых техник государственной интервенции. Советское государство поставило новые цели для использования практик, заимствованных из общеевропейского репертуара, и оказалось удивительно последовательным в работе с определённым шаблоном политики населения, предполагавшим, что некие элементы среди населения можно идентифицировать и что благополучие государства требует либо изъятия, либо ликвидации опасных элементов². Поощряя с 1917 г. государственное насилие против разных социальных и этнических групп, большевики стремились вылепить своё население, отсекая либо уничтожая «вредоносные элементы», якобы стоявшие на пути построения социалистического общества. К концу 1920-х гг. эта политика насилия, носившая ранее в значительной мере реактивный характер, трансформировалась в превентивные репрессии, постепенно становившиеся системообразующим фактором.

В идеологическом обосновании репрессивной политики государства по отношению к своим гражданам изначально присутствовало сопряжение двух линий — внутренней и внешней. Одним из главных аргументов, оправдывавших усиление террора, стал тезис о «внешней угрозе», который из жупела контрреволюции периода Гражданской войны постепенно эволюционировал в «военные тревоги» конца 1920-х и шпиономанию 1930-х гг. Особенно активно внешнеполитические фобии начали внедряться в общественное сознание после того, как произошёл отказ от теории мировой революции и Сталин стал развивать идею о возможности построения социализма в отдельно взятой стране³. Обобщённый образ «внешнего врага», опирающегося на внутреннего «врага народа», насаждался в массы весьма настойчиво и последовательно.

Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009; *Кропачев С. А.* От лжи к покаянию: Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах. СПб., 2011; *Кропачев С. А., Кричко Е. Ф.* Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012; *Тепляков А. Г.* Эпоха репрессий: субъекты и объекты // Между канунами: Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2013. С. 1135–1169.

² *Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011. С. 166–167.

³ *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1948. Т. 8. С. 262.

Периодические идеолого-пропагандистские кампании по насаждению образов «своих» и «чужих» в разных обличьях не только позволяли канализировать потенциал социального недовольства в ненависть против «врагов» всех мастей, но и делали население соучастником репрессий, легитимируя политику террора. Необходимость адаптации к постоянному насилию порождала новые повседневные практики, которые включали в себя как индивидуальные стратегии сопротивления террору, так и стратегии солидарности с действиями власти, оправдание и поддержку этих действий⁴.

Ко второй половине 1930-х гг. критическая масса для перехода к тотальному террору была накоплена, в пароксизме насилия слилось множество репрессивных логик, и Большой террор стал кульминацией политики населения большевиков и практик полицейского управления обществом.

Историю Большого террора невозможно изучать без учёта его преемственности по отношению к политическому насилию 1920-х — начала 1930-х гг., интенсивность которого во многом определялась региональной спецификой. Карельская специфика обуславливалась геополитическим положением республики (финляндское приграничье) и заключалась в превалировании финского шпионского дискурса в репрессивной политике советской власти, а также в размахе «антишпионских» акций органов безопасности, практиковавшихся задолго до Большого террора и направленных в первую очередь на местное карельское население⁵.

Обстоятельного научного исследования Большого террора в Карелии до сих пор нет. В работах общего характера сведения о массовых операциях представлены крайне невнятно и фрагментарно, без какого-либо анализа⁶. Раздел о Большом терроре в книге Н. Барона⁷ написан в основном по источникам из московских архивов и подчинён основной теме исследования — центральной власти и периферийному сопротивлению в рамках «пространственной истории», что не позволяет автору углубиться в конкретику и сужает взгляд на феномен в целом. Отдельные, весьма немногочисленные и разрозненные исследования не дают полной картины

---

⁴ См.: *Голдман В.* Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010; *Шлегель К.* Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011; *История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий.* М., 2012.

⁵ См.: *Takala I.* 'Border Locked!' Special Aspects of State Terror in the Karelian Border Region of the 1920s — first half of the 1930s // *Revue d'histoire nordique — Nordic Historical Review.* 2015. № 19. P. 103–127.

⁶ См., например: *История Карелии с древнейших времён до наших дней.* Петрозаводск, 2001. С. 498–502; *Органы безопасности Карелии.* Петрозаводск, 2008. С. 99–102.

⁷ *Барон Н.* Власть и пространство: автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М., 2011. С. 322–351.

происходившего в Карелии в 1937–1938 гг.⁸ Единственной, непосредственно посвящённой теме остаётся книга И. Чухина⁹, носящая скорее научно-популярный характер. Её главным достоинством является публикация сведений из недоступных многим исследователям архивов ФСБ и МВД. Но за прошедшие двадцать лет опубликовано много новых документов, появилась огромная историография о массовых операциях 1937–1938 гг., что существенно корректирует наше сегодняшнее видение Большого террора.

В настоящей статье мы попытаемся воссоздать целостную картину происходившего в Карелии в 1937–1938 гг. и выявить региональную специфику Большого террора.

Механизм и жертвы Большого террора

Официальный курс на развёртывание массовых репрессий в стране был взят на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). В резолюции пленума «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов»¹⁰, принятой 2 марта 1937 г. по докладам Молотова и Кагановича, был намечен обширный перечень мероприятий по ликвидации последствий этой «диверсионно-вредительской деятельности» в ряде отраслей промышленности и на транспорте. Сталин в своём докладе 3 марта призвал партию бороться с политическими противниками уже не при помощи дискуссий, а «методами выкорчёвывания и разгрома», поскольку они превратились «в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующую по заданиям разведывательных органов иностранных государств»¹¹.

Июньский пленум ЦК (23–29 июня 1937 г.) окончательно развязал руки НКВД, став прологом к массовым операциям. После доклада наркома внутренних дел Николая Ежова о раскрытии грандиозного заговора с участием

---

⁸ Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов / Сост. Анатолий Цыганков. Петрозаводск, 1992; *Takala II. P.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 161–206; *Её же.* Репрессии в Кондопоге // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 217–222; *Её же.* «Всех проучим памятным уроком»: об изучении национальных операций Большого террора // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1 (3). С. 173–191; *Takala I.* The Great Purge // Journal of Finnish Studies. 2011. Vol. 15, issues 1 & 2. Victims and Survivors of Karelia. P. 152–166; *Eadem.* ”Kätkimistöisen läksyn me kaikille luemme” — Suuren terrorin kansallisuusoperaatioiden erityispiirteitä Karjalassa // Historiallinen aikakauskirja. 2017. № 3. S. 291–302.

⁹ *Чухин И. И.* Карелия–37: идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.

¹⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 10 С. 3–13.

¹¹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 6, 10.

видных деятелей партии и страны¹² наркомату были предоставлены чрезвычайные полномочия. Составной частью этих полномочий стало указание политбюро ЦК ВКП(б), разрешающее применять физические методы воздействия при допросах в ходе следствия по контрреволюционным преступлениям¹³. Вся подготовка и реализация массового террора от начала до конца регулировалась множеством разного рода документов, принимавшихся политбюро и руководством НКВД.

Уже 2 июля политбюро приняло директиву «Об антисоветских элементах», ставшую началом подготовки к «кулацкой операции». Всем областным, краевым, республиканским партийным органам и органам НКВД предписывалось взять на учёт «всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников», наиболее враждебных из них немедленно арестовать и расстрелять, проведя их дела через тройки, а остальных выслать в лагеря. Предлагалось в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу и высылке¹⁴.

Тройки как внесудебный карательный орган не были новацией 1937 г. В 1920-е — начале 1930-х гг. они создавались при всех полномочных представительствах ГПУ, хотя специального аппарата не имели, а использовали оперативный состав органов ГПУ и уголовного розыска. В период раскулачивания, с 1930 по 1933 гг. тройками было осуждено 392524 человека и только за 1930–1931 гг. ими было вынесено свыше 28 тысяч смертных приговоров¹⁵. В мае 1933 г. политбюро лишило тройки ОГПУ права выносить смертные приговоры, а в 1934 г., в ходе создания НКВД, они были ликвидированы. Год спустя в краях, областях и республиках, подчинённых непосредственно центру, приказом НКВД СССР № 00192 от 27 мая 1935 г. были образованы так называемые милицейские тройки (председатель — начальник УНКВД или его заместитель, члены — высшие чины местной милиции). Обязательным было участие в заседаниях прокурора. Дела, как правило, должны были рассматриваться в присутствии арестованных. Максимальное наказание, которое могла назначить милицейская тройка, составляло 5 лет лагерей¹⁶.

¹² См.: *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008. С. 293–312.

¹³ О существовании такого разрешения известно из шифрованной телеграммы, направленной Сталиным 10 января 1939 г. секретарям ЦК, обкомов и крайкомов, а также руководителям наркоматов и управлений внутренних дел. См.: *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 444–445.

¹⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 234–235.

¹⁵ Трагедия советской деревни: Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. С. 126–130, 809.

¹⁶ История Сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. М., 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 259–260; Трагедия советской деревни. 2006. Т. 5. Кн. 2. С. 556–557.

Тройки, созданные на местах летом 1937 г., имели совсем иной состав, утверждавшийся Москвой (как правило, начальник местного УНКВД — председатель, первый секретарь ЦК/обкома/крайкома партии и прокурор) и самые широкие полномочия, включая право массовых расстрелов. Судьи не видели обвиняемых, сам процесс происходил очень быстро, об этом говорит статистика приговоров. В один день тройка могла осудить 200–500 человек, а были случаи, когда и больше тысячи¹⁷. Распоряжение зам. наркома внутренних дел Михаила Фриновского от 8 августа 1937 г. не сообщать осуждённым тройкой о смертном приговоре было впоследствии механически распространено и на приговорённых к высшей мере наказания (ВМН) по другим видам массовых операций¹⁸. Этот подход, распространённый ещё в практике ОГПУ, был направлен на предупреждение сопротивления, самоубийств, массовых протестов со стороны заключённых.

На заседаниях с 5 по 11 июля политбюро утвердило поступившие из республик, краёв и областей предложения о составах троек и о лимитах репрессированных¹⁹. Примерно в 30 % телеграмм, поступивших в Центральный комитет, региональные партийные руководители просили руководство дать разрешение на преследование, наряду с кулаками и уголовниками, других групп населения, отмеченных печатью враждебности, опасности или вредности²⁰, что существенно расширило «контингенты, подлежащие репрессии» в подготавливаемом «кулацком» приказе.

Однако в утверждённом 31 июля на политбюро оперативном приказе НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» цифры эти оказались совсем иными²¹. Для каждой республики, области, края указывались контрольные

¹⁷ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 51–52.

¹⁸ Там же. С. 175; Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 604 (сноска 62).

¹⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 239–242.

²⁰ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 25.

²¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281. В этом отношении интересен сравнительный анализ «лимитов», присланных из регионов и утверждённых политбюро в начале июля, с установленными для этих же регионов в приказе № 00447, предпринятый вслед за А. Гетти целым рядом исследователей. Общая численность репресслируемых сократилась на 29300 человек, причём в основном уменьшилась расстрельная категория (на 25500). Сокращения коснулись прежде всего тех запросов из республик, краёв и областей, в которых суммарно запрашивалось более 4000 жертв. В. Хаустов и Л. Самуэльсон полагают, что таким образом руководство НКВД хотело «перестраховаться» от невыполнения намеченных планов по количеству репрессированных. См.: *Getty A. J. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // The Russian Review. 2002. Vol 61, no. 1. P. 112–137; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 39–46; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 268; Gregory P. Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin. New Haven. 2009. P. 225–230; Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 // Europe-Asia Studies. 2010. 62 (6). P. 922.*

округлённые ориентировочные лимиты по количеству арестов по первой (расстрел) и второй (заключение) категориям, которые нельзя было превышать на местах самостоятельно, но разрешалось, «когда обстановка будет требовать», отправлять наркому Ежову соответствующие мотивированные ходатайства об увеличении утверждённых цифр. Таким образом, в самом приказе была заложена возможность увеличения лимитов на репрессии, что сразу было замечено на местах. Заявки региональных управлений НКВД и обкомов партии на предоставление дополнительных лимитов по арестам и расстрелам шли в Москву вплоть до весны 1938 г. и «кулацкая» операция стала самой массовой репрессивной акцией Большого террора.

Согласно приказу № 00447 аресту подлежало 268950 человек, из которых 75950 человек должны были быть расстреляны (в том числе десять тысяч заключённых лагерей НКВД), а 193000 отправлены в лагеря и тюрьмы на срок от восьми до десяти лет. Операцию следовало начать в большинстве регионов страны с 5 августа (в некоторых южных и восточных областях — 10 и 15 августа), на её проведение отводилось четыре месяца. На деле операция в ряде регионов несколько раз продлевалась, выделялись дополнительные лимиты, в результате, количество осуждённых по приказу № 00447 к ноябрю 1938 г. составило не менее 818 тысяч человек, из них свыше половины (436 тысяч) было приговорено к расстрелу²².

Параллельно с разворачиванием «кулацкой» операции шла подготовка и других массовых репрессивных акций. 15 августа 1937 г., Ежовым был подписан приказ № 00486 «Об операции по репрессированию жён изменников родины», который послужил основой для расправ над родственниками «врагов народа», в том числе и над «социально опасными детьми осуждённых»²³. По неполным данным, только за первые полгода после принятия приказа в стране было репрессировано не менее 43 тысяч жён и детей «врагов народа»²⁴.

---

²² Здесь и далее мы ориентируемся на данные, приведённые Н. Охотиным и А. Рогинским: Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Электронный ресурс]. URL: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html (11.11.2018). Согласно ведомственной статистике НКВД СССР, по кулацкой операции (приказ № 00447) было суждено 767397 человек, из них 386798 по первой категории (Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 305).

²³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 86–93; ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. Документы / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000. С. 106–110.

²⁴ Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жены...» // Узницы «Алжира»: Список женщин — заключённых Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003. С. 22, 24. Точных данных о числе репрессированных членов семей «врагов народа» до сих пор нет. В спецсообщении Ежова и Берии Сталину от 15 октября 1938 г. говорится, что по приказу № 00486 «за истекший период по неполным данным репрессировано свыше 18000 жён арестованных предателей, в том числе по Москве свыше 3000 и по Ленинграду около 1500» (Лубянка. Сталин и Главное управление

В то же самое время появляются и так называемые национальные приказы, главными из которых стали № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР» (25 июля 1937 г.), № 00485 «Об операции по репрессированию членов ПОВ, военнопленных полесской армии, перебежчиков из Польши, политэмигрантов и политобменных из Польши, бывших членов ППС и других польских политических партий» (11 августа 1937 г.) и № 00593 «Об операции по репрессированию бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов Маньчжоу-Го (харбинцы)» (20 сентября 1937 г.)²⁵. Конечно, «национальными» эти приказы, особенно харбинский, назвать можно лишь с достаточной долей условности, тем не менее именно они стали основой для массовых репрессий против многих этнических меньшинств Советского Союза, в том числе и финнов.

Число национальных операций с августа 1937 по февраль 1938 г. постоянно расширялось, хотя специальными документами (приказы и директивы НКВД) чётко были определены лишь восемь линий: немецкая, польская, румынская, харбинская, латвийская, греческая, иранская и афганская. Однако параллельно появлявшиеся документы постепенно расширяли эти направления за счёт других национальностей. В декабре 1937 г. в состав репрессируемых по «латвийской линии» специальной директивой были включены «перебежчики финны, эстонцы, литовцы и болгары»²⁶. В директиве НКВД СССР от 1 февраля 1938 г. о продлении национальных операций появляется указание провести «аналогичную операцию» в отношении болгар и македонцев²⁷. Всего в документах названы представители 17 национальностей, включая первых депортируемых (корейцы, курды). При этом следует иметь в виду, что перечисленными в документах категориями аресты не ограничивались, да и национальный состав репрессированных по той или иной линии мог оказаться весьма пёстрым. С весны 1938 г. национальные операции становятся основным направлением в массовых репрессиях.

Польский и харбинский приказы ещё больше упростили процедуру принятия решений, впервые введя в практику НКВД «альбомный» порядок осуждения с тем, чтобы одним росчерком пера можно было решить судьбу сразу

госбезопасности НКВД. С. 563), но эти сведения явно занижены. И. Чухин, опираясь на данные Центрального архива ФСБ РФ, приводил совершенно другие данные: уже к началу 1938 г. в стране было репрессировано 27114 жён и 36795 детей «врагов народа» (Чухин И. Особая папка: санкции на погром // Северный Курьер. 1993. 10 июля).

²⁵ История Сталинского Гулага. Т. 1. С. 267–268, 275–277, 281–283.

²⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 652 (примечание 62).

²⁷ Там же. С. 468–469.

нескольких десятков человек. На каждого арестованного по национальным линиям составлялась короткая справка с предложением о приговоре (расстрел или заключение в лагерь на пять–десять лет), справки комплектовались в специальные списки-альбомы, которые подписывали начальник УНКВД и местный прокурор. Затем альбом направлялся в Москву, где окончательное решение выносила т. н. двойка, комиссия, состоящая из наркома внутренних дел Н. Ежова и прокурора СССР А. Вышинского. По возвращении альбомов на места приговоры приводились в исполнение.

Центром в качестве основных рассматривались три линии: польская, харбинская (харбино-японская) и немецкая, что хорошо прослеживается в итоговых цифрах. В целом по стране репрессированные по национальным приказам составили примерно 40 %. «Национальная» линия репрессий курировалась третьим отделом НКВД (борьба со шпионажем), «кулацкая» — четвёртым (борьба с внутренней контрреволюцией).

Таблица 1

Число репрессированных по основным национальным линиям в 1937–1938 гг.²⁸

Линия	Осуждено (тыс. чел.)	В т. ч. к ВМН	
		всего	%
польская	139,8	111,1	79,4
немецкая	55,0	41,9	76,2
харбинская	46,3	31,0	66,9
латышская	21,3	16,6	77,8
иранская	13,3	2,0	15,4
греческая	12,6	10,5	84
финская	11,1	9,1	82
эстонская	9,7	8,0	82,2
румынская	8,3	5,4	65,6
афганская	1,6	0,4	23,5
Всего по основным линиям	319,0	236,0	74,0

²⁸ Таблица составлена по данным, приведённым Н. Охотиным и А. Рогинским («Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника). Цифры в разных исследованиях несколько варьируются и, по общему мнению, не являются окончательными (поэтому в таблице округлены до тысяч человек), но тенденция и степень жестокости той или иной операции в них прослеживаются хорошо.

Помимо двух основных направлений Большого террора — «кулацкого» и «национального» — контингенты репрессируемых постоянно расширялись с принятием множества других центральных документов: приказы и директивы об иностранцах, перебежчиках, военных, эсерах, меньшевиках, анархистах, железнодорожниках, энергетиках, транспортниках, об ужесточении наказаний за «разговоры» и т. д.

Последним аккордом массовых операций стали события осени 1938 г. 15 сентября политбюро принимает постановление об образовании на местах особых троек для рассмотрения дел на арестованных по национальным приказам. В двухмесячный срок особые тройки должны были рассмотреть дела в отношении лиц, арестованных до 1 августа 1938 г., приговоры по первой категории предписывалось приводить в исполнение немедленно²⁹. Через день Ежовым был подписан соответствующий приказ НКВД № 00606.

Причиной для принятия решения об отмене «альбомного порядка» осуждения и создания в каждом регионе специального внесудебного органа для вынесения приговоров по «нацконтингентам» (то есть по всем нерассмотренным альбомам) было то, что Центр оказался не в состоянии оперативно подписывать поступающие с мест альбомы. Между отправкой документов в Москву и получением их назад проходило несколько месяцев. Летом 1938 г. в Москве скопилось альбомов со всей страны более чем на 100 тысяч человек. С мест сыпались жалобы на перегруженность вследствие этого тюрем, на дороговизну содержания уже фактически приговорённых к расстрелу заключённых и т. п.³⁰

Таким образом, главным предназначением особых троек была оперативная физическая ликвидация людей, осуждённых в альбомном порядке по национальным операциям, что можно расценить как подготовку к завершению Большого террора. Персональный состав особых троек не требовал утверждения политбюро, в отличие от троек, созданных по приказу № 00447 и уже прекративших своё существование. В них входили только первые лица: начальник УНКВД, местный партийный руководитель и прокурор, решения были окончательными и не требовали утверждения в Москве. О подготовке к завершению массовых операций говорит и то, что особые тройки не могли рассматривать дела на иностранных подданных, имели право освобождать обвиняемых, дела на арестованных после 1 августа 1938 г.

---

²⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 549.

³⁰ Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 27.

следовало передавать в суды, трибуналы, Военную коллегия или на рассмотрение ОСО³¹.

Если верить ведомственной статистике НКВД СССР, по приказу № 00606, то есть особыми тройками на местах, с 15 сентября по 1 ноября 1938 г. были осуждены 93137 человек, 63921 из них (68,6 %) приговорены к расстрелу³². Всего с октября 1936 по ноябрь 1938 гг. по делам, которые вели органы госбезопасности, было арестовано не менее 1710000 человек, осуждено не менее 1440000 человек, в том числе приговорено к расстрелу не менее 724 тысяч человек³³.

Прекращён Большой террор был так же, как и начат, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г.³⁴ и приказом НКВД СССР от 26 ноября 1938 г. № 00762, разъяснявшим порядок осуществления этого постановления и отменявшим приказы, циркуляры и распоряжения НКВД 1937–1938 гг.³⁵ Прекращение массовых операций вовсе не означало отказа руководства страны от репрессивной политики. В преамбуле постановления 17 ноября давалась высокая политическая оценка проведённым репрессивным акциям, декларировалось продолжение и впредь беспощадной борьбы со всеми врагами СССР «при помощи более совершенных и надёжных методов». Компрометируя главных исполнителей и способы осуществления массовых операций, партийное руководство страны стремилось к снижению политической роли органов безопасности, возвращаясь к установлению жёсткого контроля над НКВД, выполнившего свою задачу, а главное — снимало с себя ответственность за произошедшее. По сути, документы, завершившие Большой террор, декларировали не возвращение к «социалистической законности», а лишь то, что только контролируемые и упорядоченные государством репрессии являются допустимыми и правильными³⁶.

---

³¹ ОСО (Особое совещание) — внесудебный орган, существовавший при ОГПУ с 1920-х гг. В составе НКВД СССР Особое совещание было сохранено и действовало при наркомате внутренних дел. Оно имело право выносить приговоры о заключении в исправительно-трудовые лагеря, ссылке и высылке до пяти лет или высылке за пределы СССР в отношении лиц, «признаваемых общественно опасными». После ликвидации других внесудебных органов (тройки, двойка) Особое совещание сохранилось без изменения функций и продолжало существовать при МГБ и МВД СССР. Было упразднено по Указу Президиума Верховного Совета СССР 1 сентября 1953 г. (Трагедия советской деревни. М., 2002. Т. 4. С. 934, примечание 121).

³² Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 305.

³³ Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. Ср.: Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 305.

³⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 607–611.

³⁵ Там же. С. 612–615.

³⁶ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 422; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». М., 2003. С. 230–232.

Подготовка операций

В Карелии отсчёт национальных операций можно начинать уже с осени 1935 г., когда руководители республики Эдвард Гюллинг и Густав Ровио были отозваны в Москву и на V пленуме Карельского обкома ВКП(б) прозвучал призыв к разгрому «финских буржуазных националистов»³⁷. Первый удар пришелся по политэмигрантам, «красным финнам», которые занимали многие руководящие посты в республике. Газеты запестрели разоблачительными статьями, тщательной проверке, а иногда и разгрому подвергались целые парторганизации³⁸. Наряду с исключениями из партии и увольнениями, по всей республике, прежде всего в Петрозаводске и погранрайонах, стала нарастать волна арестов. Основательной чистке подвергся ряд воинских подразделений Ленинградского военного округа, одно из них, Карельская егерская бригада, было расформировано, многие офицеры-финны арестованы³⁹.

Всего за 1935 г. из числа исключенных из ВКП(б) финнов органами НКВД было репрессировано свыше 40 человек, около 50 находились в розыске, примерно столько же подлежало выселению с территории Карелии⁴⁰. Следственные дела финских коммунистов, представших перед судом в 1935–1936 гг., уже вполне сопоставимы с документами периода Большого террора: обвинения в контрреволюционной деятельности и шпионаже выходят на первый план. Массовый характер с осени 1935 г. приобрели и аресты среди финперебежчиков⁴¹. Было ликвидировано Переселенческое управление, занимавшееся вербовкой и трудоустройством финнов-иммигрантов из США и Канады, в недрах НКВД тщательно пополнялись досье на иностранцев⁴².

---

³⁷ См.: Красная Карелия. 1935. 3–10 окт. Эдвард Гюллинг возглавлял карельскую автономию с 1920 по 1935 г., Густав Ровио был первым секретарём обкома партии в 1929–1935 гг.

³⁸ Такала II. «Дело Гюллинга-Ровио» // Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов. Петрозаводск, 1992. С. 44–46.

³⁹ Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. П-3. Оп. 3. Д. 296. Л. 64–68; Д. 314. Л. 64–65.

⁴⁰ Подсчитано по: Там же. Д. 333. Л. 6–65, 78–102. Подробнее см.: Такала II. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 84–91.

⁴¹ С начала 1930-х гг. так стали называть людей, массово, семьями переходивших финляндско-советскую границу на всём её протяжении, что явилось следствием экономического (а отчасти и политического) кризиса в Финляндии. Все финперебежчики изначально состояли на учёте ОГПУ/НКВД. Подробнее см.: Такала II. Р. Финны в Карелии и в России. С. 54–61.

⁴² Массовое переселение финнов из США и Канады в СССР началось в 1930 г. под воздействием активной пропагандистской кампании, развёрнутой советским и карельским правительствами и подхваченной коммунистической прессой Северной Америки. Квалифицированные североамериканские рабочие-финны, по замыслам карельского руководства, должны были составить костяк национальных пролетарских кадров республики. Всего в 1930–1935 гг. в республику переехало примерно шесть с половиной тысяч североамериканских финнов. (Подробнее см.: Golubev A., Takala I. The Search for Socialist El Dorado: Finnish Immigration from the United States and Canada to Soviet Karelia in the 1930s. East Lansing (MI), 2014). Судя по так называемым «агентурным данным», сохранившимся в архивах, в среде американских

После рассылки на места закрытого письма ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (29 июля 1936 г.)⁴³, на фоне широкой пропагандистской кампании резко активизировались в республике и поиски бывших троцкистов. Троцкистские организации были выявлены в Карплане, Наркомместпроме, пединституте, на Онегзаводе⁴⁴.

Тогда же, в конце 1936 г. районными отделениями НКВД были заведены две агентурные разработки, которые во многом определили масштабы Большого террора в Карелии. В приграничном Петровском районе, свыше 80 % жителей которого составляли карелы, начальником РО НКВД А. Черновым началась разработка дела «Повстанцы» о якобы создаваемых финляндской разведкой из числа карбеженцев⁴⁵ повстанческих отрядов, главной целью которых был развал колхозов и срыв госпланов по лесозаготовкам⁴⁶. В Кондопожском районе начальник РО А. Пушкин начал собирать оперативные материалы по разработке «Диверсанты», под пристальное внимание агентуры попали промышленные предприятия Кондопоги, прежде всего Целлюлозно-бумажный комбинат с его «иностранным» руководством — директором финном Х. Ярвимики, главным инженером немцем Б. Ландорфом и представителем чешской фирмы «Шкода» И. Шандо⁴⁷.

Развернуться в полную силу районным отделениям тогда не дали. Чернов жаловался, что по разработке «Повстанцы» в декабре 1936 г. он не получил ни помощи, ни указаний от руководителей наркомата⁴⁸. Запретили активно действовать и Пушкину. Новый начальник НКВД Карелии Карл Тенисон, назначенный на эту должность в декабре 1935 г., высказался о его инициативах так: «Дай волю Пушкину, так он в одну ночь полрайона пересадит»⁴⁹. Несколько месяцев спустя вожжи были отпущены.

финнов были свои осведомители, которые снабжали НКВД материалами (см., например: НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 277. Л. 1–8).

⁴³ *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1997. Т. 16. С. 286–311.

⁴⁴ *Чухин И.* Карелия–37. С. 29.

⁴⁵ «Карбеженцы» — жители пограничных районов, главным образом карелы, покинувшие родину в годы Гражданской войны и возвращавшиеся домой по амнистии 1923 г. Из 15 тысяч беженцев, большая часть которых ушла в Финляндию в начале 1922 г. в результате жестокого подавления крестьянского восстания на севере Карелии, домой вернулось около семи–восьми тысяч человек. Причисленные изначально к категории «нежелательные элементы», карельские беженцы были главным объектом внимания карельского ГПУ на протяжении всех 1920-х и первой половины 1930-х гг.

⁴⁶ Отчёты наркома внутренних дел // Их называли КР. С. 130–131.

⁴⁷ Там же. С. 143.

⁴⁸ *Чухин И.* Карелия–37. С. 30.

⁴⁹ Там же. С. 42.

К 1937 г. карельскими органами безопасности был накоплен огромный материал. Каждый отдел НКВД вёл сотни литерных дел по отраслям промышленности, культуры, общественной жизни, где кроме статистических данных был щедро представлен компромат на конкретных людей. Более 700 агентов и осведомителей собирали слухи. В каждом районном отделении имелись агентурные разработки на подозреваемых в шпионаже, вредительстве, другой антисоветской деятельности. В архивах хранились тысячи дел на карбеженцев, финперебежчиков, иностранцев, троцкистов, эсеров, оппозиционеров, церковников. Например, по данным Пудожского РО НКВД 1937 г., из 26 тысяч жителей района 1314 являлись «контрреволюционным элементом». На картотечном учёте состояло 575 человек, имелось 247 дел-формуляров (в т. ч. 109 на бывших членов партии и 120 на финперебежчиков), велось 163 литерных дела, начиная с РИКа и кончая детским домом⁵⁰.

Решения февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК придали новый импульс для расширения массовых операций в республике. Со второй половины марта 1937 г. из Петрозаводска в Москву потоком шла информация о перестройке партийной работы и одновременно о фактах «оживления буржуазного национализма». Главными «разрабатываемы контингентами» у карельского НКВД оставались финны: «фашистские националистические группы террористов-финнов» оперативно были обнаружены не только в пограничном Петровском районе, но и в Пряжинском, Кондопожском, Тунгудском, Прионежском. Бывший председатель Карельского Совнаркома Эдвард Гюллинг продолжал ещё жить и работать в Москве, однако специальным постановлением бюро обкома 26 марта все организации и улицы, носящие его имя, были переименованы⁵¹.

Из Москвы в свою очередь по всей стране летели телеграммы, которые требовали сведений в 3-й отдел НКВД о состоявших на учёте иностранных гражданах, политэмигрантах, перебежчиках, людях, работавших за границей, т. е. шёл скрупулёзный сбор сведений о всех тех, кого собирались причислить к «агентам иностранных разведок». 10 мая 1937 г. Тенисон отправил в Москву список на 259 финперебежчиков, проходящих по материалам органов безопасности «как реэмиграционно и контрреволюционно настроенных». Основными пунктами концентрации финперебежчиков в Карелии были названы Петрозаводск (около 3500 человек), Прионежский (около 2500 человек) и Кондопожский (около 1000 человек) районы. Кончался документ разделом «Наши предложения», где обосновывалась необходимость «всех перебежчиков,

⁵⁰ Там же. С. 35–36.

⁵¹ НАРК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 266. Л. 1–2, 57–62.

состоявших на особом учёте НКВД, изъять, частью выселив из СССР, частью переселив в тыловые области Союза»⁵². Подобного рода разделы впоследствии постоянно присутствовали в документах, предназначенных для московского руководства, и раз от разу предложения становились всё более жёсткими и радикальными. Одновременно из районных отделений НКВД поступала информация в Петрозаводск о состоявших на учёте харбинцах и «их связях с китайцами и корейцами»⁵³.

Тогда же в республике в полную силу развернулись и мероприятия по выявлению «внутренней контрреволюции». 9 июня 1937 г. 4-й отдел УГБ НКВД Карелии начал операцию по агентурной разработке «Повстанцы». Месяц спустя Карельский обком информировал ЦК о том, что в Кондопожском, Петровском, Кестеньгском районах, в системе Кареллеса, Наркомземе вскрыт уже целый ряд «контрреволюционных шпионско-вредительских повстанческих организаций», большинство участников которых составляют финны; свыше 80 руководящих работников исключены из партии и арестованы как враги народа. На Кондопожском бумкомбинате, где сосредоточено большое количество финперебежчиков и американских финнов, шпионско-вредительскую организацию возглавляло руководство комбината — директор Ханнес Ярвимики, его заместитель, начальник Кондопожской стройконторы Калле Экман, зам. директора Целлюлозного завода Ээро Антонен. Крупная контрреволюционная повстанческая организация, созданная в 1931 г. финскими разведорганами, вскрыта в Петровском районе, по делу арестовано 60 человек. Участились нелегальные переходы финской границы с территории Карелии: только в июле погранохраной задержано 30 человек, все финны, бывшие перебежчики, работа продолжается⁵⁴.

На ранних этапах органы безопасности старались выйти на максимальное число руководящих работников, стремясь доказать серьёзность оперативной обстановки в республике, а также собственную значимость и успехи в борьбе с контрреволюцией. Арестованных на допросах заставляли подписывать обширные списки членов их «вредительских организаций». Например, в протоколе допроса главного инженера треста Кареллес Павла Барчугова от 19 июля 1937 г. в числе участников контрреволюционной организации отрасли указаны 34 руководящих работника, включая управляющего трестом

---

⁵² Архив УФСБ по РК. ФСДП. П/ф. КРО. Оп. 1. П. 42. Л. 171–174. Сноски на дела архива УФСБ по Республике Карелия даются по архивным шифрам 1990-х гг.

⁵³ Требование о сборе информации по харбинцам было отправлено в районы 12 мая 1937 г. специальной шифрованной телеграммой (Там же. Л. 197–198).

⁵⁴ НАРК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 265. Л. 38–43.

Георгия Валлина, его заместителя Александра Павловича и директоров 12 крупнейших леспромхозов и механизированных баз⁵⁵.

В этой связи с трудом поддаётся объяснению реакция карельских властей на директиву политбюро от 2 июля 1937 г. о предложениях по лимитам. 8 июля первый секретарь карельского обкома партии Пётр Ирклис отправил в Москву шифротелеграмму следующего содержания:

«МОСКВА ЦК ВКП(б)

По Карельской АССР выявлено активно проводивших контрреволюционную подрывную работу кулаков, вернувшихся после отбытия наказания и срока ссылки 33 человека, уголовного элемента 9 человек, прочего антисоветского элемента 44 человека. Расстрелу подлежат 12 человек, направлению в лагеря 74 человека. Проявляющих враждебность в менее активной мере и подлежащих высылке в административном порядке 257 человек, в том числе: кулаков 69 человек, уголовного элемента 146 человек. Довыявление продолжаем.

Состав тройки представляется на утверждение ЦК ВКП(б) следующий: 1) Ирклис П. А. секретарь Карельского обкома; 2) Тенисон К. Я. НКВД Карельской АССР; 3) Михайлович заместитель прокурора Карельской АССР»⁵⁶.

Требуемые лимиты (12 человек по первой категории, 74 по второй) и состав карельской тройки были утверждены решением Бюро ЦК от 10 июля⁵⁷. Трудно понять, почему посланные из Карелии контрольные цифры репресслируемых оказались столь малы (самые маленькие из всех предложенных регионами⁵⁸). По всей вероятности, республиканские власти ещё до конца не осознали значимость установок на массовые репрессии, буквально поняв предписание насчёт «кулаков и уголовников». Возможно, это поняли в центре. 21 июля за связь с «правыми» Ирклис был арестован, а неделю спустя новый секретарь обкома Михаил Никольский отправил Ежову следующую телеграмму:

«По Карелии прошу в связи с новым выявлением утвердить к расстрелу 358 человек активно проводивших контрреволюционную и шпионскую работу. Направление в лагеря прошу утвердить менее активных 400 человек.

Взамен Ирклиса в состав тройки представляется на утверждение Никольский М. Н.»⁵⁹.

⁵⁵ Чухин И. Карелия—37. С. 44.

⁵⁶ Сталинский план по уничтожению народа. Документ № 17 // Альманах «Россия. XX век» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1005794> (18.11.2018).

⁵⁷ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 323.

⁵⁸ См.: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 39–44 (таблица 1).

⁵⁹ Сталинский план по уничтожению народа. Документ № 81 // Альманах «Россия. XX век» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1006217> (18.11.2018).

Понимание того, что ждёт от регионов центр, приходило быстро. Если за март-июнь в республике было арестовано чуть более двухсот человек, то в июле было произведено уже около шестисот арестов.

Расчленив операции, которые разворачивали ещё до получения основных приказов из Москвы 3-й и 4-й отделы УГБ НКВД, очень трудно: по многим делам «внутренняя и внешняя контрреволюция» сливаются и самый наглядный пример тому — дело «о контрреволюционной националистической организации в Карелии» (условное название «дело Гюллинга-Ровио»). Первая сводка по этому делу была отправлена в Москву в конце июля 1937 г. Список членов организации, ещё не названной пока «финской», состоял из 50 человек и все они, за исключением карелов Фёдора Поттоева и Николая Ющиева, а также вепса Степана Макарьева, были именно финнами. Все до 1935 г. занимали видные руководящие посты в республиканском партийном и советском аппарате, многие продолжали работу на районном уровне⁶⁰. Интересно, что, называя руководителей организации, нарком Тенисон просил начальство арестовать в Москве Эдварда Гюллинга и Густава Ровио «с последующим направлением в наше распоряжение»⁶¹. Это была явно местная инициатива. В Петрозаводске просто не знали, что Ровио находится в тюрьме уже три недели, а Гюллинг — две. Тогда же, в июле 1937 г., были арестованы бывший председатель Петрозаводского горсовета Вернер Форстен, его жена, сотрудник наркомпроса Айно Форстен, сотрудник Карпушникины Вяйнё Турунен, директор Лыжной фабрики Илья Туомайнен, один из первых руководителей карельской автономии Яков Мяки, член обкома ВКП(б) Пааво Хюппенен, второй секретарь горкома ВКП(б) Антти Хирвонен.

В Кондопоге массовые аресты тоже развернулись за месяц до официального начала операции. Руководители бумкомбината Ярвимики, Экман и Антонен были арестованы 7 июля. Неделю спустя та же участь постигла заведующего производством комбината Алексея Линева, начальника проектного бюро Якова Тийтинена, зав. мастерской Войтто Вайнио, зав. кадрами Симо Суси, инженера Георгия Шайкевича. Не было обойдено вниманием органов безопасности и районное начальство: 25 июля арестовали председателя Кондопожского РИКа Фёдора Поттоева, в начале августа — первого секретаря райкома партии Георгия Шерешкова⁶².

⁶⁰ Подробнее см.: Такала И. Дело Гюллинга-Ровио. С. 34–73.

⁶¹ Архив УФСБ по РК. Ф. СДП. П/ф. КРО. Оп. 1. П. 42. Л. 95–101.

⁶² Такала И. Репрессии в Кондопоге С. 219–220.

Одновременно ширились аресты «правых» — тех, кто был прислан в республику после 1935 г. из Ленинграда и теперь обвинялся в причастности к т. н. правотроцкистскому блоку. Вслед за Иркисом был арестован председатель СНК АКССР Павел Бушуев, нарком финансов Альфред Муценек, нарком коммунального хозяйства Евгений Зингис, член обкома Михаил Хосин, первый секретарь карельского обкома ВЛКСМ Павел Маринушкин. На 1 августа 1937 г. по городу Петрозаводску и районам Карелии на формулярном учёте НКВД состояли 2110 бывших членов ВКП(б).

Таким образом, ещё до официального начала массовых, операций руководящие звенья партийной, советской и хозяйственной номенклатуры Карелии были основательно почищены. Руководителей УНКВД — наркома Карла Тенисона и его заместителя Александра Солоницына, это не коснулось.

1937 год, август–декабрь

Официальный отсчёт массовых операций начался в Карелии с 5 августа 1937 г. Как уже отмечалось, цифры, появившиеся в приказе № 00447, мало соотносились с присланными с мест. Лимиты для Карелии в нём составили тысячу человек — 300 по первой категории и 700 по второй⁶³. Каждые пять дней в Москву, в 8-й отдел ГУГБ НКВД (учётный), отправлялась телеграмма со сведениями о количестве арестованных и осуждённых тройкой, и судя по этим данным, только за первый месяц операции (с 5 августа по 5 сентября 1937) было арестовано 728 человек⁶⁴.

Дела на руководящих работников рассматривались Военной коллегией Верховного суда СССР, ударными темпами заработала и республиканская тройка. В первые три месяца основная масса обвиняемых шла по линии 4-го отдела УГБ, выполнявшего приказ № 00447. В то же время началась и активная чистка лагерей, причём осуждённым по линии 3-го отдела ББК тройка выносила исключительно расстрельные приговоры: только в августе 1937 г. карельской тройкой были приговорены к расстрелу 405 заключённых⁶⁵.

Состав тройки неоднократно менялся, так как в ходе расправ судьи нередко превращались в обвиняемых. За полтора года массовых операций в республиканской тройке сменилось четыре секретаря обкома (Никольский, Леонинок, Иванов, Куприянов) и два наркома внутренних дел (Тенисон, Матузенко). Постоянной оставалась лишь фигура прокурора Георгия Михайловича, сумевшего продержаться на своём посту до начала 1939 г.

⁶³ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 332.

⁶⁴ Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д. 168. Л. 1–23 (подсчёты).

⁶⁵ См.: *Такала II. Р.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 188 (таблица 5).

Все операции по борьбе с внешней и с внутренней контрреволюцией планировалось, как уже отмечалось, закончить в четыре месяца, однако уже первые недели показали, что многих руководителей на местах ни сроки, ни цифры, определённые ежовскими приказами, не удовлетворяют. В ЦК ВКП(б) и НКВД СССР пошли телеграммы с мест с просьбами увеличить число репресслируемых, особенно по первой категории. Карелия не осталась в стороне от этого «почина». Уже в августе, отчитываясь о ходе операции по приказу № 00447, секретарь обкома Михаил Никольский просит ЦК разрешить республиканской тройке «приговорить к расстрелу не 300 человек, а 550, с тем чтобы все активные контрреволюционные повстанческие элементы и их гнезда были уничтожены»⁶⁶.

Никольский был членом тройки с первого по десятое заседание, на которых было репрессировано около тысячи человек⁶⁷. Но его рвение показалось Москве недостаточным. В начале сентября газета «Правда» опубликовала статьи собкора по Карелии Б. Золотова «Рупор буржуазных националистов» (9 сентября) и «Вражеские гнезда в советском аппарате Карелии» (11 сентября), в которых погромной критике подверглась редакция главной республиканской газеты «Красная Карелия» и всё высшее руководство республики — и те, кто уже был арестован, и находившиеся ещё у власти. Журналисты были обвинены в благодушии, отвлекавшем народ от «борьбы против буржуазных националистов, агентов финской и германской разведок». А тем временем, писал Золотов, «в Совнарком, Наркомпросе, Наркомфине, Госплане Карельской АССР, горком и обком орудовала оголтелая банда шпионов, пытавшихся закабалить карельский народ и при помощи фашистской Германии восстановить в Карелии власть помещиков и капиталистов».

Подобного рода «сигналы», направлявшие дальнейший ход репрессий, «Правда» печатала о многих регионах СССР. Критика сосредотачивалась на частных примерах, на отдельных людях, без каких-либо обобщений, стремясь убедить население, что все неполадки в обществе вызваны коварством врагов, а не управленческими провалами и дисфункциональностью системы⁶⁸. Местная пресса не оставалась в стороне. «Красная Карелия» с весны 1937 г. активно участвовала в разоблачениях разного рода «врагов» на предприятиях и в организациях республики, журналисты проводили и собственные

---

⁶⁶ НАРК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 265. Л. 80.

⁶⁷ Чухин И. Карелия–37. С. 113.

⁶⁸ Нераф Ф-К. Пять процентов правды: Разоблачение и доносительство в сталинском СССР. 1928–1941. М., 2011. С. 330.

расследования, выявляя «нежелательный элемент», называя десятки конкретных имён и фамилий. Но вклад газеты в ход нарастающих репрессий оказался недостаточен. Главный редактор Василий Градусов немедленно был снят с работы, исключён из партии и вскоре арестован⁶⁹.

Публикации Б. Золотова сопровождалась его закрытыми служебными письмами, по сути, доносами, отправленными главному редактору «Правды» Льву Мехлису, где собкор гораздо жёстче и откровеннее требовал «большевистского оздоровления» всего руководящего звена Карелии⁷⁰. Интересно, что наряду с арестованными той же осенью председателем КарЦИКа Николаем Архиповым и секретарём обкома Никольским, в доносах Золотова «политически сомнительными личностями» весьма настойчиво назывались зав. ОРПО⁷¹ обкома Михаил Леонинок, зав. отделом агитации и пропаганды Ян Миляйс, начальник УНКВД Карл Тенисон (оба латыши) и зам. наркома Александр Солоницын. Все они продолжали работать на своих местах ещё более полугода: Тенисона арестовали в феврале 1938 г., остальных в июне. Леонинок был членом тройки на одиннадцатом–пятнадцатом заседаниях после ареста Никольского⁷². Копии писем Золотова были пересланы Мехлесом Сталину и Ежову, но, очевидно, к подобного рода доносам на высшее руководящее звено в центре относились дозированно, приберегая информацию для очередного витка «зачисток».

26–27 сентября состоялся пленум обкома партии по обсуждению публикаций в «Правде». Новым секретарём обкома стал присланный из Ленинграда Николай Иванов, член тройки с шестнадцатого по сорок второе заседание, на которых было осуждено около шести тысяч жителей республики⁷³.

На пленуме выступил председатель тройки, начальник НКВД Тенисон, который информировал собравшихся об операции по ликвидации в Карелии «организации контрреволюционных буржуазных националистов». Организация эта, по словам Тенисона, была одной из самых разветвлённых и существовала с 1920 г., с момента приезда в республику Гюллинга, Мяки и Форстена. Именно они стали создателями «националистического центра», позднее в него вошёл Ровио, с приездом которого расстановка сил в республике целиком оказалась в руках националистов. Гюллинг и Ровио добивались расширения вербовки

---

⁶⁹ Мышление людей сталинской системы, её творцов и одновременно жертв, хорошо характеризует дневник Василия Градусова. См.: *Верхоглядов В. 1937: Дневник Василия Градусова // Их называли КР. С. 253–292.*

⁷⁰ Частично опубликованы И. Чухиным (*Чухин И. Карелия–37. С. 69–72.*)

⁷¹ Отдел руководящих партийных органов.

⁷² История Сталинского Гулага. Т. 1. С. 290.

⁷³ *Чухин И. Карелия–37. С. 115.*

иностранцев, настаивали, чтобы перебежчикам, находившимся в ссылке и лагерях, было дано разрешение на переезд в Карелию. По их призыву в республику хлынули американские финны, которые неплохо жили и за океаном, а здесь соглашались работать простыми рабочими, устраивая через своих жён легальную связь с границей. Главной задачей «центра» являлось присоединение Карелии к Финляндии, для чего в различных местах создавались опорные базы, где сосредоточивались антисоветские элементы, финперебежчики и американские финны (Кондопожский бумкомбинат, Петрозаводская лыжная фабрика, Матросы, Вилга). Главной опорной базой была Кондопога, всего же повстанческие организации вскрыты в одиннадцати районах Карелии, помимо пограничных — в Пудоже и Заонежье. Основным ядром на случай вооружённого восстания должна была стать Егерская бригада, кроме того, в отдельных местах создавались специальные военизированные отряды. Центральный отряд находился в Петровском районе и должен был «в момент военных действий захватить Вохтозерский тракт, отрезать Петрозаводск и дать путь финским войскам». Повстанческие организации занимались также националистической пропагандой, шпионажем, вредительством во всём народном хозяйстве Карелии: поджигали леса, срывали севообороты, запахивали сенокосы. Под видом стахановцев в Москву посылались террористы, которые старались попасть на приём к Сталину и Молотову. Органы НКВД так долго не могли раскрыть заговор, поскольку организацию спасали руководители республики. Только благодаря «Правде» врагов удалось разоблачить, однако, по мнению Тенисона, предстоит большая работа «по очистке низовки», она ещё мало затронута⁷⁴.

Подобного рода обвинения можно найти в следственных делах любого управления НКВД по всему Советскому Союзу. Шаблоны таких документов создавались ещё в недрах ОГПУ, их лишь привязывали к местной специфике и корректировали с учётом запросов времени и политической обстановки. При этом следователи, измышляя чудовищные фальсификации, не утруждали себя тем, чтобы придать им хоть какую-то видимость достоверности. Густава Ровио, например, обвиняли в том, что он создал «организацию буржуазных националистов» в Карелии в 1928 г., когда он ещё не был секретарём обкома и работал в Ленинграде. В следственных делах других обвиняемых создание организации датируется 1927, 1925, 1923 годами. В бумагах Тенисона появляется новая дата — 1920 г., год создания карельской автономии.

---

⁷⁴ НАРК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 232. Л. 23–30.

После пленума по республике покатила нарастающая волна массовых разоблачений, «вражеские гнёзда» обнаруживались везде — от наркоматов до сапожных мастерских и школ. Газеты пестрели разоблачительными сообщениями, сопровождая их откликами и письмами трудящихся. Осенью Тенисон и Иванов буквально забрасывали Москву шифровками примерно такого содержания: «13 октября с.г. я просил увеличить лимит первой категории на 1000 человек. Ответ прошу телеграфировать, так как дела первой категории на заседание троек подготовлены»⁷⁵. Власти охотно шли навстречу пожеланиям с мест, районные же отделения НКВД включились в своеобразное соревнование по выполнению и перевыполнению приказов начальства. В результате подобного служебного рвения к 20 ноября, когда сроки проведения операций подходили к концу, республиканская тройка вместо 300 приговорила к расстрелу 1690 человек (72 % всех осуждённых). К первой категории были отнесены и все 1200 осуждённых по линии Беломорско-Балтийского комбината (ББК)⁷⁶.

В целом, однако, с принятием основных приказов, карельское руководство оказалось в достаточно сложном положении. Основными контингентами, «разрабатываемыми» 3-м и 4-м отделами НКВД были финны и карелы, приказы же предписывали заниматься помимо «кулаков и антисоветчиков» поиском немцев, поляков, латышей, эстонцев, численность которых в республике (не говоря уж о «харбинцах») была весьма невелика⁷⁷. Рассылая в районы директивы по национальным приказам, Тенисон одновременно продолжал требовать от подчинённых вести «тщательный учёт всех финских националистических элементов, прежде всего из числа политэмигрантов, бывших социал-демократов, бывших членов ФКП и ВКП(б), финперебежчиков, финно-американцев и шведов»⁷⁸. В Москву же от него шли жалобы на отсутствие официальных директив по финской линии.

Инициатива была услышана: в ноябре 1937 г. М. Фриновским был разработан соответствующий проект приказа, в котором, в частности, говорилось:

«В целях немедленного и решительного репрессирования финской агентуры и пресечения работы финских разведывательных органов приказываю: с... начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации диверсионно-шпионской и фашистско-повстанческой агентуры финской

⁷⁵ Чухин И. Карелия—37. С. 39, 140 (приложение 3).

⁷⁶ Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д.168. Л. 1–23 (подсчёты), 37–42.

⁷⁷ По переписи 1933 г., в Карелии поляки, немцы, латыши, эстонцы в среднем составляли по 0,2 % от всего населения (656, 623, 684 и 621 человек соответственно): Перепись населения АКССР 1933 г. Петрозаводск, 1934. Вып. I. С. XIII.

⁷⁸ Архив УФСБ по РК. Ф. СДП. П/ф. КРО. Оп. 1. П. 42. Л. 63.

разведки в промышленности, на транспорте, в совхозах и колхозах и решительному разгрому всей базы диверсионно-повстанческой работы финских разведорганов в Карелии, Мордовии, Удмуртии, Марийской и Коми автономных республиках и среди карельского и вообще финско-угорского населения других краёв и областей. Операцию завершить к 15 декабря. Аресту подлежат: а) все перебежчики из Финляндии, работающие на военных заводах, в оборонных цехах, на транспорте, на оборонных стройках вне зависимости от наличия у них иностранных паспортов, б) все бывшие участники восстания в Карелии и Ингерманландии, бежавшие ранее в Финляндию, а затем возвратившиеся в СССР, вне зависимости от времени возвращения, г) все советские граждане, связанные с финскими дипломатическими учреждениями, д) финские политэмигранты, на которых имеются материалы, позволяющие подозревать их в шпионаже и диверсии, е) так называемые американские (канадские) финны — граждане СССР, ж) агенты Разведупра и НКВД, участвовавшие в легендарных разработках, так или иначе находившиеся в контакте с финскими разведорганами, во всех случаях, если имеются основания подозревать их в двойничестве, з) все подозреваемые по шпионской и диверсионной работе граждане СССР, связанные с моряками финских пароходов, теплоходов и проводниками финских железнодорожных вагонов.

На отнесённых в процессе следствия к первой и второй категориям каждые десять дней составлять списки с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованных, и направлять их на окончательное утверждение в НКВД СССР. После утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором Союза приговор немедленно приводится в исполнение, т. е. осуждённые по первой категории расстреливаются, а по второй — отправляются в тюрьмы и лагеря»⁷⁹.

Приказ так и не увидел свет. Вероятно потому, что одновременно велась работа по подготовке латышской операции, которая началась с 3 декабря 1937 г.⁸⁰ Как уже отмечалось, 14 декабря она была распространена и на финнов, после чего «финская линия» в национальных операциях Карелии стала главной уже официально. Планы Фриновского по завершению финской операции к 15 декабря оказались неактуальными: «национальное» направление Большого террора только набирало силу.

---

⁷⁹ Чухин И. Карелия–37. С. 60–61.

⁸⁰ История Сталинского Гулага. Т. 1. С. 285–286.

В декабре 1937 г. появляются первые списки-альбомы, составляемые на арестованных по национальным приказам, и заработала т. н. двойка. Только по первым девяти спискам-альбомам, составленным с 4 по 30 декабря, прошло 900 человек, 727 из них (80,8 %) были приговорены к расстрелу. Существенным образом изменился и национальный состав обвиняемых, 64,2 % которых теперь составляли финны⁸¹. О том, что польская операция должна была быть завершена к 20 ноября 1937 г., а сроки харбинской истекали 25 декабря, похоже, уже никто не вспоминал. В Карелии всю разворачивали операцию по финнам, продолжая заодно аресты и расправы по приказу № 00447. За последние десять дней 1937 г., с 20 по 30 декабря, в республике было арестовано 740 человек⁸². Карельская тройка за декабрь (Тенисона на заседаниях тогда заменял Солоницын) рассмотрела 1007 дел, приговорив к расстрелу 972 человека⁸³.

Для следственной обработки такого количества дел по указанию Тенисона были созданы ещё пять «бригад» следователей, в том числе в некоторых погранотрядах. К работе с арестованными привлекали красноармейцев, милиционеров, гражданских членов партии, никогда не имевших дела со следствием, и заставляли их любыми методами добиваться признаний. Следственные и реабилитационные документы свидетельствуют о том, что избиения, издевательства, угрозы, допрос «стойка» и непрерывный допрос, пытка бессонницей, фальсификация материалов были в Карелии, как и в других местах, обычной практикой⁸⁴.

Ударными темпами работала и специальная следственная бригада, получившая среди посвящённых название «железная» или «стальная». Она была создана в Медвежьегорске в декабре 1937 г. специально для работы по финской операции, возглавлял её лейтенант госбезопасности Николай Тидор. Именно к Тидору в Медгору со всей республики этапировали арестованных финнов (бригада занималась исключительно финнами) для завершения следствия и получения нужных показаний. В документах это деликатно именовалось «следственной обработкой». Руководствуясь принципом «при допросе все средства хороши», стальная бригада добивалась замечательных результатов — у неё арестованные подписывали все⁸⁵. Медгора стала и главным местом расстрела по приговорам двойки.

⁸¹ Подробнее см.: *Такала II*. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 190 (таблица 6).

⁸² Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д.168. Л. 24–31 (подсчёты).

⁸³ *Чухин II*. Карелия–37. С. 146–147, приложение 9 (подсчёты).

⁸⁴ Подробнее см.: *Чухин II*. Карелия–37. С. 47–56.

⁸⁵ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. КРО. Оп. 1. П.52. Л. 70, 90, 162, 164, 286, 287.

Таблица 2

Места расстрелов по первым протоколам двойки⁸⁶.

	декабрь 1937 — январь 1938	
	всего расстреляно	в т. ч. финны
Медгора	618	379
Петрозаводск	23	11
Пудож	23	22
Реболы	16	—
Ругозеро	15	—
Олонец	5	4
не известно	27	18
Всего	727	434

Масштабы работы медвежьегорской расстрельной команды, возглавляемой зам. начальника 3-го отдела ББК НКВД А. Шондышом, ужасают: 28 декабря 1937 г. в 4 часа 00 минут расстреляно по Альбомам 1–2 138 человек, из них 89 финнов; 2 января, время то же, расстреляно 60 человек (59 финнов); 10 января — 148 человек (83 финна), 20 января — 150 человек (82 финна), 21 января — 104 человек (62 финна)⁸⁷. И. Чухин в своей книге приводит хронику массовых расстрелов в республике, составленную на основании актов о приведении приговоров в исполнение с указанием фамилий 47 исполнителей — работников НКВД КАССР и Белбалтлага НКВД СССР⁸⁸. По ней получается, что 20–21 января 1938 года Шондыш и его подчинённый Бондаренко расстреляли 685 человек. Очевидно, что приговоры в исполнение приводили не только люди, подписывавшие акты, в расстрелах участвовали военнослужащие погранотрядов, комендатур, возможно красноармейцы. Сохранились документы, свидетельствующие, что в Ухтпечлаге, например, в аналогичной ситуации проводилась специальная войсковая операция с применением станковых пулемётов⁸⁹.

Расстрелы производились в обстановке строжайшей секретности и в абсолютном большинстве актов нет указаний на точное место расстрела

⁸⁶ Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 193 (таблица 7).

⁸⁷ Архив УФСБ по РК. Ф. КРО, л. 1–7.

⁸⁸ Чухин И. Карелия–37. С. 153–159, прил. 15–17. Данные по альбомным расстрелам декабря–января (с. 158) совпадают с приведёнными нами только в одном случае — 28 декабря 1937 г.

⁸⁹ Чухин И. Карелия–37. С. 119.

и захоронения. Основными местами расстрелов в Карелии были места, где находились следственные изоляторы (тюрьмы): Петрозаводск, Кандалакша, Пудож, Кемь, Олонец и Медвежьегорск (изолятор 3-го отдела ББК). Расстреливали также в Ругозере, Реболах, Кондопоге. Трудпоселенцев и заключённых ББК массово убивали в Медгоре, Сегеже, Сосновце, Уросозеро, на Водоразделе (7-8 шлюзы ББК).

1938 год, январь–июль

Работа троек по «кулацкой» операции должна была закончиться 1 января 1938 г., а к 15 января местные органы внутренних дел обязаны были представить итоговую отчётность по операции⁹⁰. 10 января 1938 г. Тенисон направил Ежову и Фриновскому обширную докладную записку с итогами массовых операций в 1937 г. Данные эти в основном уже публиковались⁹¹, однако не все сведения попали в печать. Тенисон анализировал в докладе и ход национальных операций, главной из которых была финская. Из 874 человек, арестованных по финской линии, 59 были объявлены резидентами финской разведки, 283 — агентами, ещё 480 человек оказались «участниками контрреволюционных националистических повстанческих и диверсионно-вредительских организаций»⁹². Данные «оперативного удара по польской колонии» были менее впечатляющими: арестован 141 человек «поляков и лиц других национальностей, связанных с польской Дефензивой и Консульством», из них «сознались» в шпионаже 36 человек, «вскрыто» следствием и шесть резидентур. По латышской и харбинской операциям успехи были совсем скромными — арестованы соответственно 53 и 21 человек⁹³.

Всего в республике на 1 января 1938 г. было арестовано 5340 человек, из них «70 резидентов и 1267 агентов иностранных разведок». Прделано это было весьма скромными силами: по данным Тенисона, в 3-м отделе УГБ НКВД КАССР работало семь человек, в 4-м отделе — девять. Лишь в конце октября чекистский состав центрального аппарата численно возрос до 30 человек, получив пополнение из межкраевой школы НКВД. В 20 районах Карелии опер состав УГБ насчитывал 38 человек, большинство из них, как признавался нарком, «были малоопытными и не имели специального чекистского образования». Свою настоятельную потребность в количественном увеличении оперативного аппарата Тенисон обосновывал и намерением дальше расширять

⁹⁰ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 548 (прим. 14).

⁹¹ См.: Отчёты наркома внутренних дел // Их называли КР. Петрозаводск, 1992. С. 128–145.

⁹² Архив УФСБ по РК. Ф. СДП, п/ф. Секретариат, оп. 1, п. 82, л. 52.

⁹³ Там же. Л. 69–71.

операцию по финнам для «дальнейшего разгрома шпионско-диверсионных очагов»⁹⁴.

Подобные победные реляции, полные служебного рвения и готовности продолжать, шли в Москву со всех концов страны, нужно было принимать решения по формально закончившимся уже операциям.

14 января 1938 г. Фриновский разослал общую директиву, в которой предлагал продлить работу троек «до особого распоряжения»⁹⁵. Этим особым распоряжением стало постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января, на следующий день доведённое до сведения местных партийных органов и управлений НКВД. Постановление продлеvalo «кулацкую» операцию в 21 регионе страны до 15 марта (в Дальневосточном крае до 1 апреля), им выделялись дополнительные лимиты и продлевалась работа троек. Всего было выделено лимитов на 57200 человек, в том числе на 48 тысяч человек по первой категории и 9200 человек по второй. Карелия получила право расстрелять по кулацкой линии ещё 1500 человек и 500 отправить в лагеря⁹⁶.

Однако и 15 марта действие приказа НКВД № 00447 не было остановлено. Операция продлевалась решениями политбюро по ходатайствам с мест. Весной–летом 1938 г. тройки продолжали работать по дополнительным лимитам в целом ряде регионов страны⁹⁷. По Карелии такое решение за подписью Сталина было принято 19 марта: «Удовлетворить просьбу Карельского обкома ВКП(б) о продлении работы тройки по рассмотрению дел на бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов до 15 апреля и об увеличении дополнительно лимита по 1 категории на 600 чел. и по второй — на 150 чел.»⁹⁸.

31 января 1938 г. политбюро принимает решение и о продлении до 15 апреля национальных операций, сохранив существующий альбомный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей вне зависимости от их подданства.

В Карелии, судя по документальным данным, аресты и деятельность тройки были приостановлены всего на две недели, с 5 по 17 января⁹⁹, аресты же

---

⁹⁴ Там же. Л. 74–77.

⁹⁵ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 548.

⁹⁶ Там же. С. 34–35.

⁹⁷ См.: Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. Документы 20–28.

⁹⁸ Там же. С. 69.

⁹⁹ Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д. 168. Л. 24–31.

по национальным операциям продолжались полным ходом¹⁰⁰. С конца января из Петрозаводска в районы уже потоком шли распоряжения об активизации всей работы, при этом очевидно, что ситуация менялась буквально каждые сутки и списки подлежащих аресту постоянно расширялись. Поначалу это вызвало серьёзное замешательство у начальников РО и Погранотрядов. Из районов следовали просьбы о разъяснении ситуации кого арестовывать, кого нет и жалобы на то, что «нет материала на выход»¹⁰¹.

Нервозность объяснялась видимо и переменами в самом аппарате НКВД: новый виток массовых операций сопровождался чисткой органов безопасности. В Карелии это коснулось лишь главных действующих лиц. В январе из республики был отозван заместитель наркома капитан Солоницын, правая рука и главный исполнитель всех начинаний Тенисона. Самого наркома отозвали в начале февраля, латыш по национальности он, надо полагать, не мог достойно продолжать проведение национальных операций. В апреле 1938 г. Тенисон был арестован по обвинению в правотроцкистской деятельности и как агент латвийской охранки. Месяц спустя, не дождавшись суда, он умер в больнице Бутырской тюрьмы¹⁰².

Наркомом внутренних дел Карелии стал полковник Степан Матузенко, в прошлом украинский крестьянин и псаломщик, выпускник церковно-приходской школы и пограничной школы ОГПУ¹⁰³. Он был председателем тройки с 34-го по 46-е заседание, по решениям которых было репрессировано около трёх тысяч человек. Он же возглавлял и Особую тройку НКВД КАССР, репрессировавшую ещё 1805 жителей республики.

Порядок был наведён быстро. Разъяснения нового наркома для районных отделений по поводу «окончательного разгрома работы иноразведок среди финской колонии», его чёткие указания — кого арестовывать (практически всех финнов), как вести дела (максимально ускоренными темпами), как оформлять документы для альбомов, расставили все точки над «и». Главным направлением массовых операций становятся национальные линии. В целях наиболее полного учёта «движения и результатов операции» были разработаны специальные формы отчётности — подробнейшие таблицы по всем национальным линиям, которые следовало отправлять в центр каждое 1 и 15 число месяца¹⁰⁴. С конца февраля из районов уже лавиной шли списки финнов, подлежащих аресту,

¹⁰⁰ Там же. Ф. ДСП. П/ф. КРО. Оп. 1. П. 52. Л. 59.

¹⁰¹ Там же. П. 53. Л. 2, 10–13, 19, 73–82.

¹⁰² НАРК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 10285, 10783, 10784.

¹⁰³ Там же. Д. 6856. Подробнее о Тенисоне, Солоницыне, Матузенко см.: Чухин И. Карелия–37. С. 104–112.

¹⁰⁴ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. КРО. Оп. 1. П. 53. Л. 26–34.

с просьбой о санкциях, которые следовали незамедлительно, иногда даже по телефону. Не забывали и о других национальных линиях, дополняя их своими. Так, в Кондопоге была вскрыта «турецкая шпионская организация». Три работника артели «Дружба Турции» после недолгой обработки признались, что являются агентами турецкой разведки¹⁰⁵. Выполняя указания начальства по «увеличению числа допрашиваемых до 30 человек сразу»¹⁰⁶, во многих районах к арестам и ведению следствия широко привлекали партийно-комсомольский актив.

По мере развития операции органы безопасности на местах входили во вкус и становились всё активнее. И если в феврале Петрозаводск подгонял РО, то в марте — начале апреля из районов поступали списки для санкций на арест со слезными просьбами эти санкции не задерживать, «так как сроки поджимают»¹⁰⁷. Причём список мог сопровождаться запиской, скажем, такого содержания: «Прошу дать санкцию на арест 9 финперебежчиков, особоучетников НКВД, проживающих в Матросах. Показаний на вышеуказанных финнов у нас нет, но народ очень интересный. Их нужно немедленно изолировать»¹⁰⁸.

Как вскоре выяснилось, торопились зря. Операция по финнам сначала была продлена на месяц, а затем последовали постановление политбюро (26 мая 1938 г.)¹⁰⁹ и приказ НКВД СССР № 1160 (28 мая 1938 г.)¹¹⁰ об очередном продлении национальных операций и деятельности двойки до 1 августа 1938 г.

Работа по национальным линиям и по «очистке районов и сельсоветов, заселённых финнами», шла по накатанному руслу все лето, хотя отыскивать компрометирующие материалы на ни в чём не повинных людей становилось всё труднее. В июне–июле, перед завершением операции, в основных местах проживания финнов — Прионежском, Кондопожском, Калевальском районах и, конечно, в Петрозаводске, продолжались ежедневные массовые аресты, людей стали хватать прямо на улицах, на глазах у изумлённых прохожих. С крупных предприятий (Кондопожский бумкомбинат, Петрозаводская лыжная фабрика)

---

¹⁰⁵ Там же. П. 42. Л. 199–201.

¹⁰⁶ Такая фраза была, например, в телефонных переговорах начальника 3-го отдела УГБ НКВД лейтенанта Антонова с врид начальника Калевальского РО сержантом Мартыновым (Там же. П. 52. Л. 81–82).

¹⁰⁷ Например, врид начальника Калевальского РО сержант Мартынов, ещё недавно жаловавшийся на «отсутствие материала», 2 апреля писал начальнику 3-го отдела Антонову следующее: «Просим в связи с ограниченным сроком до окончания следствия аресты санкционировать телеграфно, чтобы успеть до 15 апреля «обработать» дела...» (Там же. Л. 263).

¹⁰⁸ Там же. Л.135.

¹⁰⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 538.

¹¹⁰ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. КРО. Оп. 1. П.54. Л. 12–13.

в наиболее «горячие» дни арестованных увозили грузовиками. Не прекращались в 1938 г. и попытки продолжить чистить ряды КПФ и Коминтерна. От арестованного в Кондопоге 25 июля 1938 г. девятнадцатилетнего шофёра Арне Каупинена, объявленного шпионом с 1923 г. (т. е. с пятилетнего возраста), следователи добивались признания, что он был завербован в шпионскую организацию её главарём — секретарём и членом Президиума Исполкома Коминтерна Отто Вилле Куусиненом¹¹¹. Аресты продолжались и в начале августа, в основном в Петрозаводске и Кондопожском районе: с 1 по 10 августа было арестовано не менее 60 финнов¹¹², а «зачистка» лагерей шла всю осень.

Итоги массовых операций были подведены в конце лета, и они со всей очевидностью продемонстрировали, насколько «эффективнее» действовали органы безопасности республики в 1938 г.: по сравнению с 1937 число репрессированных финнов, например, увеличилось в 3,3 раза. Всего за период с 1 января 1937 по 10 августа 1938 г., согласно данным карельского НКВД, в республике было арестовано и осуждено 9536 человек, больше половины из них (54 %) за семь месяцев 1938 г.¹¹³ 96 % осуждённых было репрессировано по «кулацкому» и национальным приказам. Получив в общей сложности лимиты по приказу № 00447 на 3750 человек (2400 по первой категории и 1350 по второй), карельская тройка осудила 4885 человек, 3935 из них (80,6 %) приговорив к расстрелу. Двойка осудила 4251 человека, из них 3996 (94 %) были приговорены к расстрелу. Осуждённые за шпионаж составляли 23 % всех репрессированных, больше было только «повстанцев» — 42,6 %¹¹⁴. По данным чекистов, на территории Карелии шпионскую работу вели иностранные разведки десяти государств: Японии, Германии, Англии, Франции, Польши, Латвии, Эстонии, Турции, Норвегии и, конечно же, Финляндии¹¹⁵.

И. Чухин в своей книге, опираясь на собранные материалы для карельской книги памяти, приводит совсем иные итоги операций: карельская тройка осудила 8428 человек (из них 7221 к расстрелу), а двойка — 2143 человека (из них 1838 к расстрелу)¹¹⁶. Всего 10571 человек. Расхождения в общей численности осуждённых во время массовых операций можно объяснить тем,

¹¹¹ Чухин И. Карелия–37. С. 44–45.

¹¹² Подсчитано по: *Lahti-Argutina E.* Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. Turku, 2001.

¹¹³ Подсчитано по: Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д. 169. Т. 1. Л. 5–8. В анализируемых сводках НКВД даны сведения за 1937 г. начиная с 1 января. Следует при этом иметь в виду, что львиная доля арестов и приговоров приходится на период с 5 августа 1937 г., когда в республике развернулись массовые операции.

¹¹⁴ Подробнее см.: *Такала И.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 194–196 (таблицы 8–9).

¹¹⁵ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. Секретариат. Оп. 1. П. 82. Л. 17.

¹¹⁶ Чухин И. Карелия–37. С. 77 (и 147, приложение 9), 81 (и 150, приложение 12).

что в данные Чухина включены репрессированные заключённые Белбалтлагеря НКВД, не вошедшие в анализируемые архивные сводки. Лимит по Белбалтлагерю в 800 человек был утверждён шифрованной телеграммой Ежова от 5 августа 1937 г.¹¹⁷ вслед за приказом № 00447 и, как отмечалось выше, значительно перевыполнен.

Существенная, почти в два раза, разница в результатах работы тройки и двойки ещё ждёт своего объяснения, нужно вернуться к первичным материалам, изученным Чухиным. Отметим лишь несколько моментов. И. Чухин выявил, что приговоры по приказу № 00447 выносились карельской тройкой и после 15 апреля 1938 г.: последнее заседание состоялось 10 ноября, а последний расстрел — 27 ноября, т. е. через десять дней после официального окончания массовых операций и запрета на исполнение приговоров троек¹¹⁸. Однако летние и осенние заседания касались исключительно заключенных Белбалтлага и трудпоселенцев, которые составляли значительную долю осужденных тройкой — 3286 человек¹¹⁹. Кроме того, в приложении 12 «Комиссия НКВД СССР и Прокуратуры СССР»¹²⁰ последний упомянутый список-альбом датирован 12 апреля 1938 г. Но деятельность двойки продолжалась до 1 августа 1938 г., и вполне вероятно, что какие-то данные не были учтены. Наконец, возможны просто ошибки в подсчётах и описки¹²¹.

Впрочем, как бы ни различались данные, итоги эти были не окончательными. В тюрьмах продолжали ожидать приговора более двух тысяч арестованных по ежовским приказам, а Большой террор продолжился операциями по репрессированию семей «врагов народа».

1938 год, лето–осень

До сих пор у исследователей нет полной картины того, что происходило летом 1938 г. в Карелии. С прекращением в апреле работы тройки встал вопрос о местах содержания арестованных. Как выразился член тройки, первый секретарь обкома Николай Иванов, «у нас в Петрозаводске есть более тысячи человек, которых нужно сажать как врагов народа, но мы их не сажаем в тюрьму,

---

¹¹⁷ Там же. С. 160, прил. 18.

¹¹⁸ Там же. С. 77, 147, 156.

¹¹⁹ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 554 (примечание 33 Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского).

¹²⁰ Чухин И. Карелия–37. С. 150.

¹²¹ Книгу «Карелия–37» готовил к изданию по незаконченной рукописи друг Ивана Чухина журналист Валерий Верхоглядов. Автор, погибший в 1997 г., уже не мог сам всё проверить и что-то изменить.

потому что у нас тюрьмы переполнены»¹²². Он же достаточно откровенно на городской партконференции делился с делегатами своими соображениями по решению жилищного вопроса в городе, разболтав тем самым совершенно секретное постановление вышестоящих органов «о выселении белофиннов»¹²³. За свою откровенность Иванов поплатился быстро. В июне 1938 г. первым секретарём карельского обкома партии и новым членом тройки стал 33-летний Геннадий Куприянов, присланный в республику из Ленинграда¹²⁴. Тройками с его участием было репрессировано две с половиной тысячи человек.

Именно летом в полную мощь были развёрнуты операции по выселению из Петрозаводска и погранрайонов семей репрессированных. Готовились к ним заранее. Например, в «Справке НКВД КАССР о семьях репрессированных руководящих работников, подлежащих высылке за пределы Карелии», составленной в середине апреля, перечислены фамилии 63 человек, чьи семьи должны были быть высланы из Петрозаводска и девяти районов республики. Среди них 9 руководящих работников аппарата обкома ВКП(б), СНК и КарЦИКа, 11 секретарей райкомов партии, 7 председателей и зам. председателей РИКов, 21 руководящий работник пяти наркоматов и десяти областных учреждений, 15 директоров заводов, фабрик и строек¹²⁵.

Семьи репрессированных по национальным приказам планировали выслать практически все. 9 июня 1938 г. нарком Матузенко отправил в Москву «лично тов. Ежову» докладную записку «О выселении за пределы КАССР финнамериканцев и семей репрессированных финнов». В ней в частности говорилось: «На территории Карельской АССР вскрыта и ликвидирована антисоветская организация финских буржуазных националистов. Главари этой контрреволюционной организации председатели Гюллинг и Ровио, не найдя поддержки своим замыслам среди трудящегося населения карелов, использовали финперебежчиков, остатки недобитого кулачества и участников каравантюры.

Помимо этого, Гюллинг через специально созданное переселенческое управление пополнял вражеские ряды завозом из Канады финнамериканцев. Такое мероприятие мотивировалось отсутствием в Карелии квалифицированной рабочей силы для лесных разработок. Из Канады финны прибывали с собственными автомобилями, пишущими машинками, валютой и заданиями иностранных разведок... В числе арестованных в 1937–38 гг.

---

¹²² НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 9. Л. 39.

¹²³ Там же. Ф. П-1230. Оп. 19. Д. 4. Л. 40–46.

¹²⁴ Там же. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 9. Л. 45–46.

¹²⁵ Там же. Д. 94. Л. 83–86.

финнов оказалось шпионов 2100 чел., или 20 % от всего числа финнов, проживающих в Карелии.

Буржуазно-националистическая финская организация расставляла на ответственные и руководящие должности только своих сторонников — финнов. Таким образом, в их руках были главнейшие партийные, советские и общественные организации, а также промышленные предприятия, сельское хозяйство и транспорт... В результате их руководства, направленного на срыв выполнения мероприятий партии и правительства, положение в Карелии по борьбе с последствиями вредительства до сих пор остаётся напряжённым.

Национальная политика в Карелии, благодаря Гюллингу, Ровио и их приспешникам, в корне искажалась. Трудящихся Карелии принуждали читать газеты, книги, слушать радиопередачи, учить детей на непонятном им финском языке. Национальная рознь и вражда всячески культивировались.

Аппаратом НКВД КАССР проведена специальная работа по учету остатков финнамериканцев. Взято на персональный учёт 1416 чел., из которых состоит в иностранном подданстве 81 чел. Большинство финнамериканцев проживает в пограничных районах и некоторая часть в г. Петрозаводске.

Прошу вашего распоряжения на выселение из пограничной Карельской республики 1416 человек финнамериканцев в Омскую или Архангельскую область, где использовать их исключительно как рабочую силу на лесных разработках. Помимо этого, прошу санкционировать выселение 1500 семей репрессированных финнов, проживающих в пограничных районах и г. Петрозаводске, за пределы Карелии»¹²⁶.

Поступили ли из Москвы соответствующие документы, неизвестно. Возможно, конкретных распоряжений по выселению «финнамериканцев» и не было, поскольку в конце августа Матузенко вновь обратился к Ежову с аналогичной просьбой: «Для того чтобы лишить благоприятной почвы иностранные разведки по насаждению новых шпионских организаций на территории Карелии, и особенно в пограничных районах, необходимо ускорить санкцию на выселение за пределы Карелии всех прибывших из Канады финнамериканцев, а также семьи репрессированных финнов, эстонцев, латышей, немцев и поляков»¹²⁷.

Тем не менее «очистка» погранрайонов и столицы шла все лето: из Петрозаводска, Ухтинского, Ребольского районов людей вывозили в «тыловые» районы республики — Кемский, Пудожский, Заонежский. Многие

¹²⁶ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. Секретариат. Оп. 1. П. 82. Л. 1–3.

¹²⁷ Там же. Л.20.

петрозаводские семьи (старики, женщины, дети, включая грудных младенцев) были отправлены спецбаржами на известняковые разработки Оленьих островов Онежского озера. Согласно специально разработанной по этому поводу инструкции, выселению подлежали «семьи врагов народа, репрессированных финнов, шведов, эстонцев, латышей и национальностей, не входящих в состав Союза»¹²⁸. На сборы людям давали сутки, иногда и вовсе два часа. О масштабах операции пока можно судить лишь по косвенным данным. Например, известно, что только с 20 июля по 23 августа из Петрозаводска было выселено 395 семей — 922 человека, в том числе 417 детей¹²⁹.

В следственном деле Матузенко сохранились показания о том, что в июле–сентябре 1938 г. из Петрозаводска было административно выселено около 600 семей репрессированных финнов. Неофициальное согласие на эту акцию нарком получил от секретаря обкома Куприянова, председателя СНК Солякова, председателя ЦИК Горбачева и прокурора республики Михайловича. Руководили операцией зам. наркома Дубровин и начальник 4-го отдела Антонов, осуществлял — начальник республиканской милиции Андреев силами милиции и членов ВКП(б), выделенных для этой цели горкомом партии. Списки выселяемых составлялись Антоновым и утверждались Матузенко¹³⁰. Общая численность выселенных семей до сих пор не известна. В октябре 1938 г. Матузенко докладывал Ежову, что в результате проведённых мероприятий в пограничных районах Карелии осталось 1350 финнов (включая и семьи репрессированных) и просил разрешение на завершение операции по переселению¹³¹.

Параллельно осенью начинается жестокая расправа над арестованными по национальным приказам. Особая тройка при НКВД КАССР в составе наркома Матузенко, секретаря обкома Куприянова и прокурора республики Михайловича начала свою работу через три дня после принятия приказа № 00606. 20 сентября она вынесла своё первое решение: 110 человек (из них 22 женщины), все финны, по стандартному обвинению «шпионская работа в пользу Финляндии» были приговорены к расстрелу¹³². Тем же днём помечен ещё один протокол заседания тройки — рассмотрено 100 дел (список-альбом № 2), 96 человек приговорено к расстрелу. 21 сентября была решена судьба 499 человек, 485 постановили расстрелять¹³³. Всего за неполный месяц

¹²⁸ НАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 493. Л. 108.

¹²⁹ Чухин И. Тайна одной «операции» // Петрозаводск. 1995. 7 апреля. С. 12.

¹³⁰ *Его же*. Карелия–37. С. 108–109.

¹³¹ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. Секретариат. Оп. 1. П. 82. Л. 81–82.

¹³² См.: Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 199 (таблица 10).

¹³³ Чухин И. Карелия–37. С. 148, приложение 10.

было оформлено 32 протокола заседаний Особой тройки (последнее 10 октября), было осуждено 1805 человек, 1708 из них (94,6 %) — приговорены к расстрелу¹³⁴. Финны среди осуждённых составили 83 %, карелы 13 %. 97 % осуждённых Особой тройкой были репрессированы по финской линии. Большинство приговоров было приведено в исполнение тогда же, в сентябре–октябре расстреляли 1530 человек, 73 % из них в окрестностях Петрозаводска¹³⁵. Работа Особой тройки значительно повысила процент осуждённых в Карелии за шпионаж — до 35 % от всех репрессированных, что в два раза превышало среднестатистический показатель по стране¹³⁶. Своим правом на освобождение арестованных карельская Особая тройка не воспользовалась.

Следует упомянуть ещё об одной операции, которую пытались инициировать, но не успели реализовать карельские власти. В октябре 1938 г. Куприянов послал в Москву донос на второго секретаря обкома калининского карела Дмитрия Смирнова. Из этого документа явствует, что борьба с буржуазным национализмом в республике постепенно приобретает иной характер. «После разгрома основных гнезд финских буржуазных националистов, писал Куприянов, оставшиеся неразоблачёнными участники контрреволюционных организаций изменили свою тактику и начали вербовку в карельские буржуазно-националистические организации». Цель прежняя — создание Великой Финляндии и «сближение карельского языка с финским». В сентябре уже было арестовано несколько «карельских буржуазных националистов», однако, по мнению Куприянова, речь идёт о большой организации, которую ещё предстоит разоблачить¹³⁷.

Об организации «буржуазных националистов-карел» упоминалось уже в январских отчётах Тенисона, однако речь там шла фактически о делах по «организации Гюллинга-Ровио». Карелы проходили по ним вместе с финнами, попытка развернуть отдельную карельскую операцию была предпринята лишь осенью 1938 г. Связано это было очевидно с тем, что «финская линия» была уже практически отработана, а руководство республики, опять не уловив сигналов Москвы о переходе к завершающему этапу массовых репрессий, продолжало проявлять активность и выказывать рвение в борьбе

¹³⁴ Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 200 (таблица 11). Практически такие же данные приводит Чухин (Чухин И. Карелия—37. С. 148, приложение 10).

¹³⁵ Чухин И. Карелия—37. С. 157, приложение 16 (подсчёты).

¹³⁶ Если анализировать данные, приведённые в книге О. Мозохина, то в среднем по СССР доля осуждённых за шпионаж среди репрессированных в 1937–1938 гг. составила около 17 % (Подсчитано по: Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Жуковский; М., 2006. С. 333, 336, 338, 340).

¹³⁷ НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 86. Л. 63–64.

с «врагами народа». Примером для Куприянова послужило активно разрабатываемое с февраля 1938 г. чекистами Калининской области «Карельское дело»¹³⁸, по материалам которого проходил и Смирнов¹³⁹. В качестве повода для начала новой операции очень подходила ситуация с развитием карельской письменности¹⁴⁰. Руководителями обнаруженной в республике «карельской националистической шпионской организации» были объявлены секретарь обкома Смирнов, председатель терминологической комиссии по развитию карельской лексики, нарком просвещения Владимир Филимонов, ответственный редактор газеты «Советской Карелия» Пётр Савельев и научный сотрудник Карельского научно-исследовательского института Матти Хямляйнен¹⁴¹. Правила карельского литературного языка и их создатели были объявлены виновниками хаоса, возникшего в республиканском образовании в результате ликвидации финского языка и ускоренного введения новой письменности.

Развернуть антикарельскую кампанию на полную мощность Куприянов и Матузенко не успели. В соответствии с постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. в республике началась чистка органов безопасности. В декабре Куприянов слал в Москву один за другим документы, разоблачавшие деятельность наркома Матузенко и его предшественников, а также прокурора Михайловича. Факты, приведённые в этих документах (о «вражеской работе» в НКВД, об «ошибках» в ходе ведения следствия, о несправедных арестах и несправедливых приговорах) вовсе не означали, что секретарь Карельского обкома осуждает государственную политику 1937–1938 гг. Совсем наоборот, он радел за интересы дела. «Органы НКВД, — писал Куприянов, — за эти два года провели, безусловно, громадную работу по разоблачению врагов народа, шпионов и т. д. Но при недостатках следственной работы мы не получили того, что могли получить. Мы не изучили как следует методов вербовки, обработки и засылки к нам шпионов со стороны финской разведки, не пошли дальше и не установили взаимодействия между финской и немецкой разведками, не установили даже мест перехода границы, всех этих дорог, тропинок, по которым финская разведка направляла своих агентов в Карелию. По повстанческим организациям не установили путей и способов засылки оружия из Финляндии и не обнаружили мест хранения этого оружия»¹⁴².

¹³⁸ См.: Карельское «дело»: Дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации». Тверь: б. и., 1991.

¹³⁹ НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 86. Л. 92–96.

¹⁴⁰ Об этом подробнее: *Анттикоски Э.* Стратегия карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 214–218.

¹⁴¹ См.: *Белусов К. Ф.* Лингвист ≠ Фашист или дело о несостоявшемся процессе // Север. 2014. № 1–2. С. 178–185.

¹⁴² НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 86. Л. 69–70, 73.

Вывод Куприянова однозначен: необходимо как можно быстрее «устранить все недостатки с тем, чтобы успешней разоблачать врагов нашей партии, врагов народа». Ежовщина кончилась. Репрессии продолжали оставаться неотъемлемой составляющей управления советским обществом.

Печальная статистика

К цифрам из разных источников, характеризующим масштабы репрессий в 1937–1938 гг., как мы уже показали, следует относиться осторожно. Многие первичные материалы, отложившиеся в архивах, не совпадают со сводными данными, составленными по окончании операции, и уж порой совсем не сопоставимы с документами более позднего происхождения¹⁴³. Данные карельского НКВД 1938–1939 гг., на которые мы в основном опираемся, тоже нельзя назвать исчерпывающими, однако представляется, что они с достаточной степенью достоверности отражают ситуацию по арестам и расправам в период Большого террора¹⁴⁴.

Очевидно, что за эти два года были вынесены приговоры не менее чем 11300 жителей республики. 96,5 % были репрессированы по приказам, причём в Карелии число репрессированных по национальным линиям превышает число арестованных и осуждённых по приказу № 00447 (55 % и 45 % соответственно) — в то время как в целом по стране репрессированные по национальным приказам составили примерно 40 %¹⁴⁵, — а главной линией оказалась финская, по которой специального приказа не было. По этой линии в республике было арестовано и осуждено 5600 человек, или 93,3 % от всех

---

¹⁴³ См.: Такала И. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С.112; Чухин И. Жестокая статистика репрессий // Северный Курьер. 1997. 15 января.

¹⁴⁴ Если сравнивать материалы, отложившиеся в карельском архиве УФСБ, с данными Центрального архива ФСБ России, то они не слишком отличаются друг от друга. Например, в документах ЦА ФСБ, опубликованных в многотомном издании «Трагедия советской деревни», данные об общем числе репрессированных в Карелии по кулацкому приказу полностью совпадают с приведёнными нами сведениями (Трагедия. Т. 5. Кн. 2 С. 161). Некоторые различия есть лишь по данным о репрессированных карельской тройкой по приказу № 00447. Согласно сводке № 33 ГУГБ НКВД, к 1 марта 1938 г. тройкой КАССР было осуждено 5074 человека, из них 4330 (85,3 %) приговорено к расстрелу (Там же. С. 57). Эти данные уже превышают цифры из карельских документов, притом что в марте Карелия получила дополнительные лимиты, а тройка продолжала действовать до 15 апреля. Здесь следует учитывать, что указанная сводка основана на телеграфных рапортах, которые поступали из регионов каждые пять дней и в которые могли попасть сведения об осуждённых по лагерным лимитам. Статистические данные, приведённые в книге О. Мозохина по материалам ЦА ФСБ (4372 репрессированных карельским УНКВД в 1937 г. и 6112 — в 1938 г.) отличаются от наших только применительно к 1938 г., что вполне объяснимо, поскольку здесь учтены сведения за август–ноябрь (Мозохин О. Б. Право на репрессии. С. 335, 339).

¹⁴⁵ Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Электронный ресурс]. URL: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html (25.10.2018).

репрессированных по национальным приказам (по польской линии — 4,6 %, по немецкой — 0,8 %, по харбинской — 0,7 %). Финны, чья численность в Карелии в середине 1930-х гг. едва превышала 3 % населения, составили более 41 % всех репрессированных (карелы — 27 %, русские — 25 %). Среди осуждённых по национальным приказам доля финнов была ещё выше — 74 % (карелы — 16 %, русские — 3 %) ¹⁴⁶.

Однако окончательные итоги по результатам массовых операций 1937–1938 гг. подводить всё ещё рано. Мы солидарны с теми исследователями, которые полагают, что многие цифровые данные могли быть учтены не полностью или неправильно подсчитаны и должны в дальнейшем быть скорректированы в сторону увеличения ¹⁴⁷. Это становится очевидным, если обратиться к постоянно пополняющимся базам данных репрессированных и книгам памяти, составленным в регионах.

Сравнение архивных цифровых данных с материалами книги памяти Республики Карелия ¹⁴⁸, точнее с её несколько переработанным вариантом в базе данных «Жертвы политического террора в СССР», изданном в 2007 г. обществом «Мемориал» ¹⁴⁹, можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 3

Сравнительная таблица данных источников ¹⁵⁰.

Осуждено	Источник	всего	русские	карелы	финны
1.01.1937– 17.11.1938	Архив УФСБ РК	11 341	2 874	3 059	4 688
	% осуждённых	100	25,3	26,9	41,3
	% от населения 1937 г.	2,2	0,9	2,8	33,4
	БД Мемориала (книга памяти РК)	12 989	4 636	3 123	3 006
	% осуждённых	100	35,7	24,0	23,1
	% от населения 1937 г.	2,5	1,4	2,8	21,4

¹⁴⁶ Подробные данные см.: *Такала II*. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии С. 194–200 (таблицы 8–9, 11).

¹⁴⁷ См.: Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 567.

¹⁴⁸ Поминальные списки Карелии. 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Петрозаводск, 2002. Ч. 2. Большой террор.

¹⁴⁹ Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007 (CD-ROM).

¹⁵⁰ Составлена по: Архив УФСБ по РК. Ф. КРО; Книга памяти Республики Карелия по базе данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007; Всесоюзная перепись 1937 г.: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007.

Значительная разница в общем количестве осуждённых и в данных по русским объясняется тем, что в республиканской книге памяти в число репрессированных за указанный период вошли заключённые лагерей (2672 человека) и трудпоселенцы (519 человек). Без их учёта книга памяти даёт нам сведения о 9798 репрессированных (русских 2933, карелов 3113, финнов 3005).

Большое расхождение данных по финнам можно объяснить неполнотой базы. В мартирологе, составленном Эйлой Лахти-Аргутиной¹⁵¹, есть сведения о 3775 финнах, репрессированных в Карелии. И этот мартиролог нельзя считать полным — о судьбах многих людей, исчезнувших в те страшные годы, мы просто ничего до сих пор не знаем.

В последнее время исследователи всё чаще прибегают к анализу баз данных по книгам памяти с целью составления социально-демографического портрета репрессированных и выявления региональной специфики¹⁵². Наиболее удачными из этих исследований следует считать те, где использование электронной базы данных «Мемориала» сочетается с внимательным изучением региональных архивных материалов, позволяющих углубиться в местную специфику и верифицировать данные базы по архивно-следственным делам.

Исследование карельской книги памяти жертв политических репрессий по базе данных «Мемориала» уже было предпринято Л. А. Лягушкиной с целью выявления социального портрета репрессированных¹⁵³. В своей статье она пишет, что в базе данных репрессированных в Карельской АССР содержится информация о 10872 человеках¹⁵⁴. Нам не очень понятно, как был получен такой вывод, поскольку наш анализ того же источника привёл к иным результатам. Вообще степень репрезентативности карельской книги памяти следует ещё досконально изучить. В ней, например, встречаются люди, осуждённые не в Карелии. В свою

¹⁵¹ Подсчитано по: *Labti-Argutina E.* Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. Turku, 2001.

¹⁵² См., например: *Ilić M.* The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52, no. 8. P. 1515–1534; *Жданова Г. Д.* Статистический анализ реализации приказа № 00447 // *Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447.* М., 2009. С. 718–745; *Кодин Е. В.* Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953. М., 2011.; *Мишина Е. М.* Социальный портрет репрессированных в 1935–1937 гг. на Алтае: анализ базы данных и архивных документов // *Историческая информатика*. 2013. № 3. С. 3–14; *Лягушкина Л. А.* Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // *Историческая информатика*. 2012, № 1 (сентябрь). С. 30–43.

¹⁵³ *Лягушкина Л. А.* Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2014. № 3. С. 36–44; *Её же.* Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): Сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.

¹⁵⁴ *Её же.* Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР. С. 37.

очередь, приговорённых карельской тройкой финнов мы находим в книгах памяти других областей (Ленинградский мартиролог, книга памяти Мурманской области).

Следственные дела на высших руководителей республики рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР, и эти люди не попали в отчёты карельского НКВД. Многие из них нет и в книге памяти Карелии. Имя руководителя республики Эдварда Гюллинга (приговорён ВКВС СССР 14 июня 1938 г. к ВМН, расстрелян в тот же день) мы находим в московских расстрельных списках, а его жены Фанни Гюллинг (приговорена ОСО при НКВД СССР 7 июля 1938 г. как член семьи изменника Родины к восьми годам ИТЛ, умерла в Карлаге в 1944 г.) в Книге памяти «Узницы АЛЖИРа». В московских расстрельных списках значатся первый секретарь карельского обкома партии в 1929–1935 гг. Густав Ровио (осуждён 21 апреля 1938 г., расстрелян в тот же день) и Александр Шотман, бывший председатель КарЦИКа (осуждён 29 октября 1937 г., расстрелян на следующий день), в Ленинградском мартирологе — зам. управляющего трестом Кареллес Самуил Иткин (осуждён и расстрелян 3 декабря 1937 г.), нарком коммунального хозяйства Карелии Евгений Зингис и нарком финансов Альфред Муценёк (оба осуждены и расстреляны 18 февраля 1938 г.). Таких лакун в карельских списках много.

Обращаясь к этому источнику, надо помнить и то, что в изданных в 2002 г. «Поминальных списках Карелии» есть немало ошибок, пропусков и опечаток, оставшихся (а иногда и дополнившихся) в базе данных «Мемориала», к тому же сведения о многих людях даны на момент ареста и не всегда правильно отражают социальный статус репрессированного.

Приведём лишь один пример. 11 сентября 1939 г. Особое совещание при НКВД СССР рассматривало групповое дело на Вернера Форстена, Тойво Алавирта, Василия Пейппо-Гурьева, Илью Туомайнена и Ивана Петрова. Большинство участников группы было арестовано в июле–августе 1937 г. (Петров в ноябре) и к маю 1938 г. из всех обвиняемых были выбиты показания, что они являются участниками «шпионско-повстанческой националистической организации» и финскими шпионами. Трудно сказать, почему им тогда же не был вынесен приговор. Возможно, групповое дело, да ещё с обвиняемыми масштаба «националистического центра» не могло быть рассмотрено внесудебными органами, а для Военной коллегии Верховного суда СССР и двух разных военных трибуналов, куда дело направлялось в 1938 г., доказательств, видимо, не хватило. В конце концов, Особое совещание в 1939 г. вынесло приговор: осудить Форстена, Алавирта, Пейппо-Гурьева, Туомайнена и Петрова по ст. 58–1«а», 58–10, 58–11 к заключению в ИТЛ сроком на восемь лет каждый. Все реабилитированы Военной коллегией Верховного суда СССР 16 июля 1955 года. До реабилитации дожили только Форстен и Петров.

Что мы видим в базе данных?

Вернер Форстен, первый секретарь Ухтинского райкома ВКП(б) в 1920-е гг., председатель Петрозаводского горсовета в 1930-е назван зам. наркома Наркомата местной промышленности. Приговорён особой тройкой КАССР 10 октября 1938 г. по ст. 58–6–10–11 к восьми годам лишения свободы. Остальное верно — направлен в Краслаг, освобождён в 1946 г.

Тойво Алавирта накануне ареста трудился простым рабочим на петрозаводской лыжной фабрике (гонения на финнов, напомним, начались в Карелии в 1935 г.), о чём и свидетельствует книга памяти. Но эти сведения совершенно не информативны. Политэмигрант 1918 г., красный финн Алавирта в двадцатые годы возглавлял в Ленинграде финскую секцию при ЦК ВКП(б), с 1927 г. сменил Форстена в Ухтинском райкоме, в 1935 г. — директор совпартшколы в Петрозаводске. Приговор выглядит совсем нелепо: Особая тройка КАССР 11 сентября 1939 г., обвинение по ст. 58–6–10–11. Далее верно — восемь лет, направлен в Устьвымлаг, умер 23 июня 1940 г.

Василий Пейппо-Гурьев осуждён Особой тройкой КАССР 10 октября 1938 г., обвинение по ст. 58–10–11. Приговор: восемь лет, направлен в Севжелдорлаг, умер 11 сентября 1939 г. Но это дата постановления ОСО! Он умер в Северном железнодорожном лагере 8 декабря 1941 г.

У Ильи Туомайнена тот же что у Алавирта нелепый приговор: Особая тройка КАССР 11 сентября 1939 г., обвинение по ст. 58–10–11. Верно, что умер в Краслаге 2 ноября 1940 г.

Единственный карел в группе Иван Петров в базе данных представлен совсем загадочно: «сек.Дед.Рк Вкпб. Проживал: Карельская АССР, Петрозаводск, других областей», приговорен к расстрелу НКВД СССР (т. е. двойкой, даты приговора нет) по ст. 58–10, место захоронения не установлено, сведений о реабилитации нет.

На самом деле: третий секретарь и зав. отделами Карельского обкома ВКП(б) при Ровио Иван Петров был снят с работы в 1935 г., отправлен в Дедовичи первым секретарём райкома партии, арестован там и этапирован в Петрозаводск по делу «группы Форстена». Срок по приговору ОСО 1939 г. отбывал в Краслаге, освобождён в 1946 г. Работал инспектором райпотребсоюза в Псковской области, весной 1949 г. арестован вновь и приговорён к ссылке на поселение в Красноярский край. Реабилитирован вместе со всеми 16 июля 1955 г. Умер в 1961 г.

Тем не менее электронная база данных позволяет эффективнее выявить особенности Большого террора в Карелии, поэтому мы тоже обратимся к ней, предложив свои подсчёты, которые несколько отличаются от данных полученных Л. Лягушкиной, и расширив поисковые вопросы. Сразу оговорим, что анализировался весь массив данных с учётом репрессированных в 1937–1938 гг. заключённых Белбалтлага и трудпоселенцев (если это не оговорено особо). Без учёта этого контингента трудно оценить весь масштаб деятельности республиканских внесудебных органов.

Если сопоставлять сведения о количестве арестованных и осуждённых по Карелии, сохранившиеся в Архиве УФСБ по РК, с данными переписи населения 1937 г., то в ходе массовых операций в республике было репрессировано примерно 2,2 % населения, а по базе данных даже 2,5 % (см. таблицу 3). Это является одним из самых высоких показателей по стране: в среднем по СССР в 1937–1938 гг. было репрессировано 0,8 % населения¹⁵⁵. Доля репрессированных карелов в сравнении с населением 1937 г. составила 2,8 %, а доля финнов выглядит совсем беспрецедентной — от 21,4 до 33,4 %, то есть каждый пятый или даже третий.

Около 70 % репрессированных карелов было арестовано и осуждено по приказу № 00447, пики их арестов пришлись на ноябрь–декабрь 1937 и март 1938 гг., т. е. на завершающие этапы первой и второй фаз «кулацкой» операции (Рис. 1). Пики арестов финнов — это декабрь 1937 г., когда латышская операция была распространена на финнов, затем февраль–март и июль 1938 г. как результат решений политбюро о продлении национальных операций сначала до 15 апреля, а затем до 1 августа.

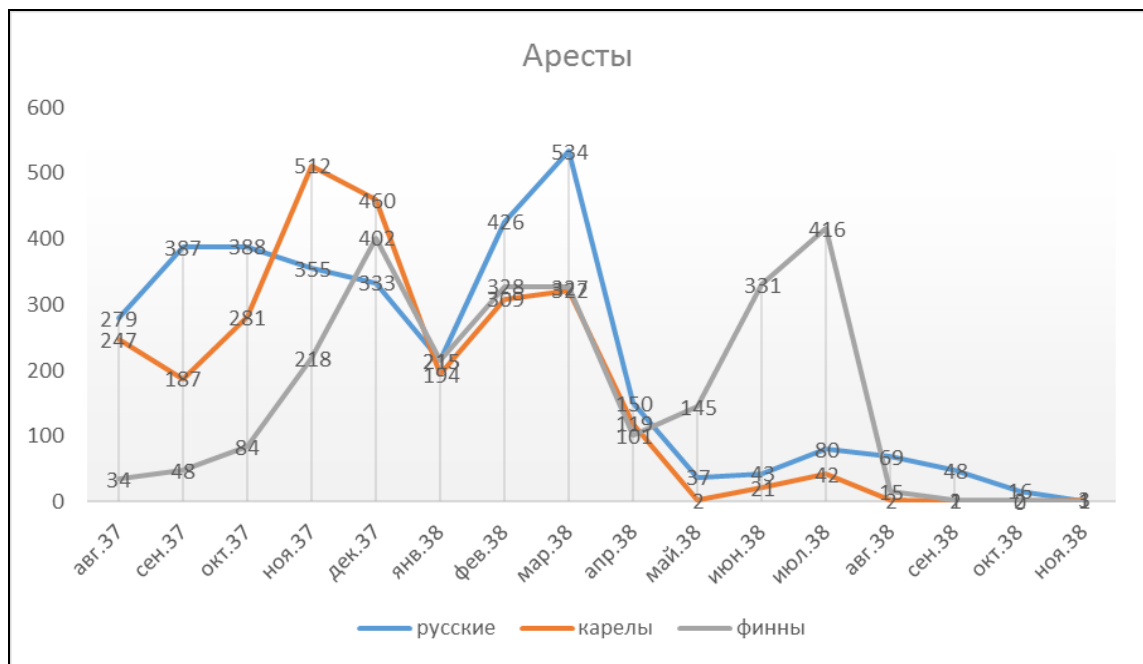

Рис. 1

Графики приговоров, в том числе расстрельных (Рис. 2–3), у карелов и русских также свидетельствуют о том, что среди них основные репрессии шли по «кулацкой» линии. Пики приговоров, вынесенных финнам — это январь и апрель 1938 г. (окончание первого и второго этапов национальных операций),

¹⁵⁵ Подсчитано по: Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника; Всесоюзная перепись 1937 г.: Общие итоги. С. 32.

а самый большой — сентябрь 1938 г. как результат деятельности карельской Особой тройки НКВД.

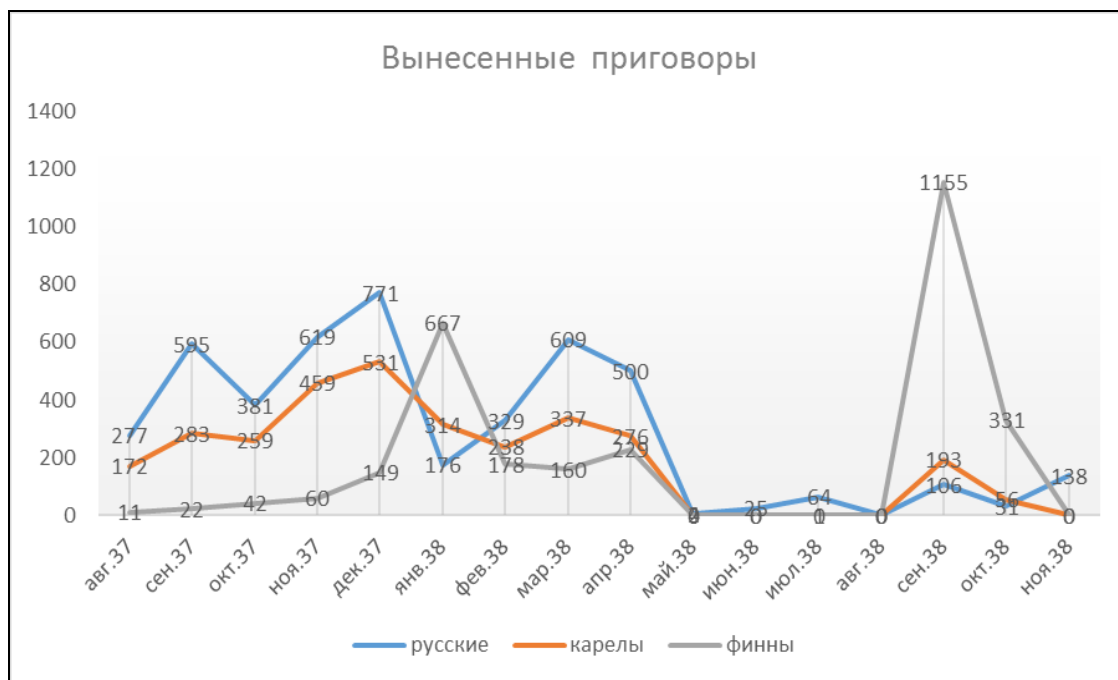

Рис. 2

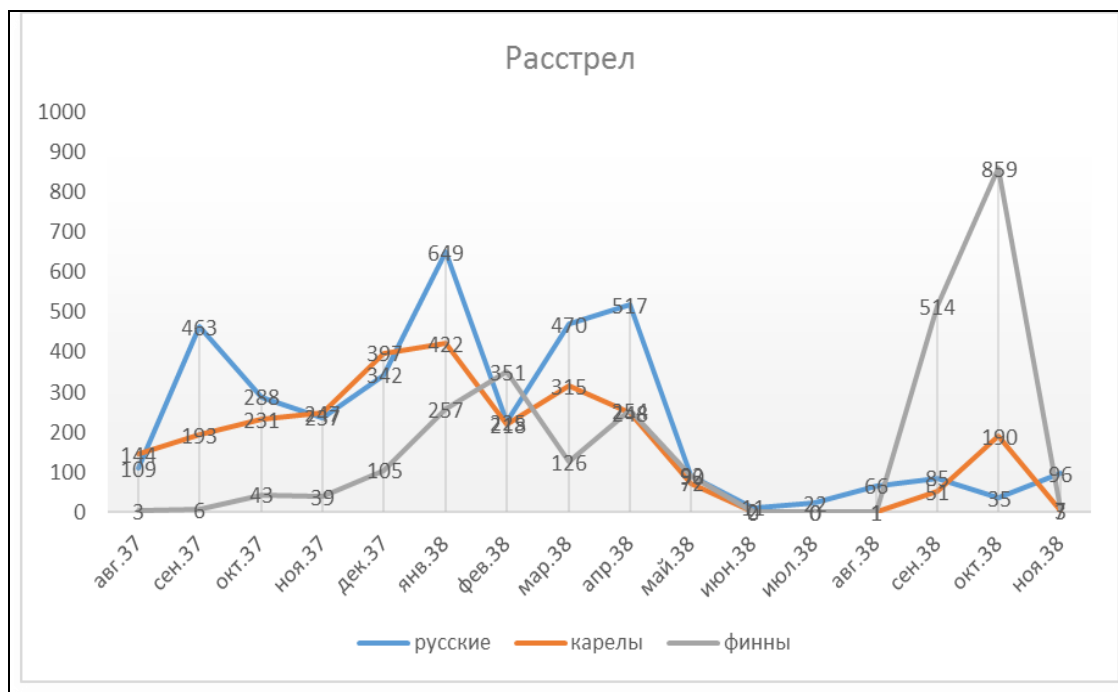

Рис. 3

Доля приговорённых к расстрелу за время массовых операций среди русских составила 78,1 %, среди карелов — 87,5 %, среди финнов — 88,3 %.

Выше она была только у поляков (90,4 %) и немцев (90,1 %) как главных «героев» основных операций. Реже всего приговаривали к расстрелу венгров — 44,4 % (12 случаев из 27 осуждённых). Среди трудпоселенцев процент расстрельных приговоров был 93, у заключённых — 99.

Приведённые данные свидетельствуют о широком масштабе и особой жестокости массовых операций в Карелии. Наиболее наглядно жестокая статистика приговоров карельских внесудебных органов выглядит в сравнении со среднестатистическими данными по стране:

Таблица 4

Из общего числа осуждённых в 1937-38 гг.	В среднем по СССР (в %)	В Карелии (в %)
Приговорено к расстрелу (всего)	50	87
Доля приговорённых к расстрелу внесудебными органами (всего)	65	90
Тройками	53	81
Двойкой	74	94
Особой тройкой	69	95

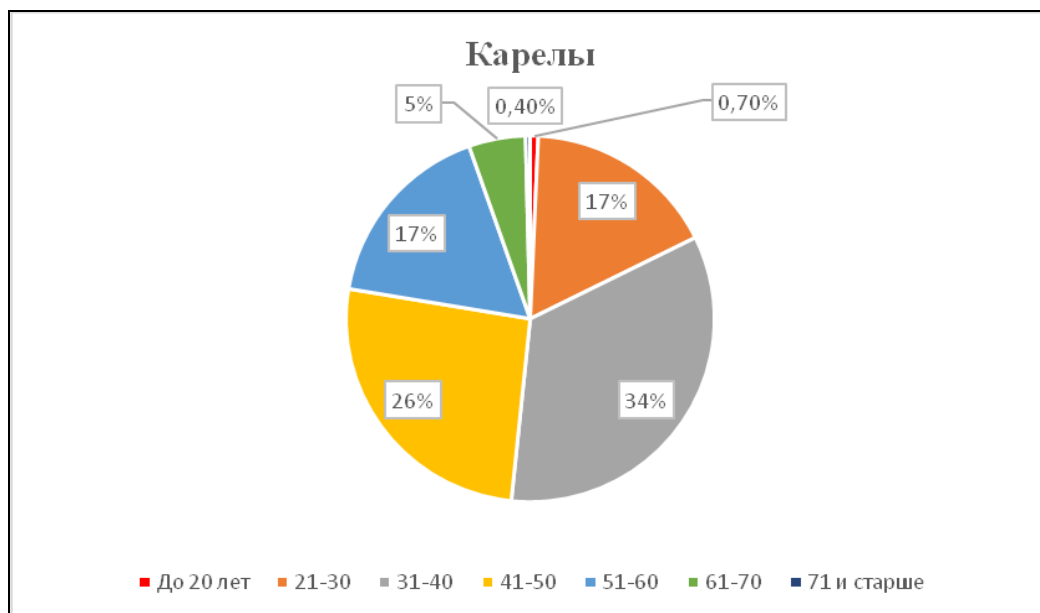
Подавляющим большинством репрессированных были мужчины. Женщины составили примерно 5 % от всех осуждённых, что сопоставимо со средними данными по стране. Среди русских этот процент был около трёх, среди карелов — около четырёх, а доля репрессированных женщин среди финнов доходила до 9 %. При этом приговоры в отношении женщин в Карелии были гораздо суровее, чем в целом по стране¹⁵⁶. По нашим подсчётам русских женщин приговаривали к ВМН (расстрел) в 63 % случаев, финнок — в 64 %, карелок — в 66 %.

Репрессии охватили все основные возрастные группы населения. Самыми молодыми были 13-летние Витя Анкудинов (русский) и Женя Тифитулин (татарин), репрессированные в рамках приказа № 00447 и получившие десять и восемь лет лагерей. Самыми пожилыми жертвами Большого террора стали три родившиеся в 1861 г. карела: Семён Касьянов из Саригоры (Ведлозерский район), Михаил Мотин из Сопохи (Кондопожский район) и Яков Феофанов

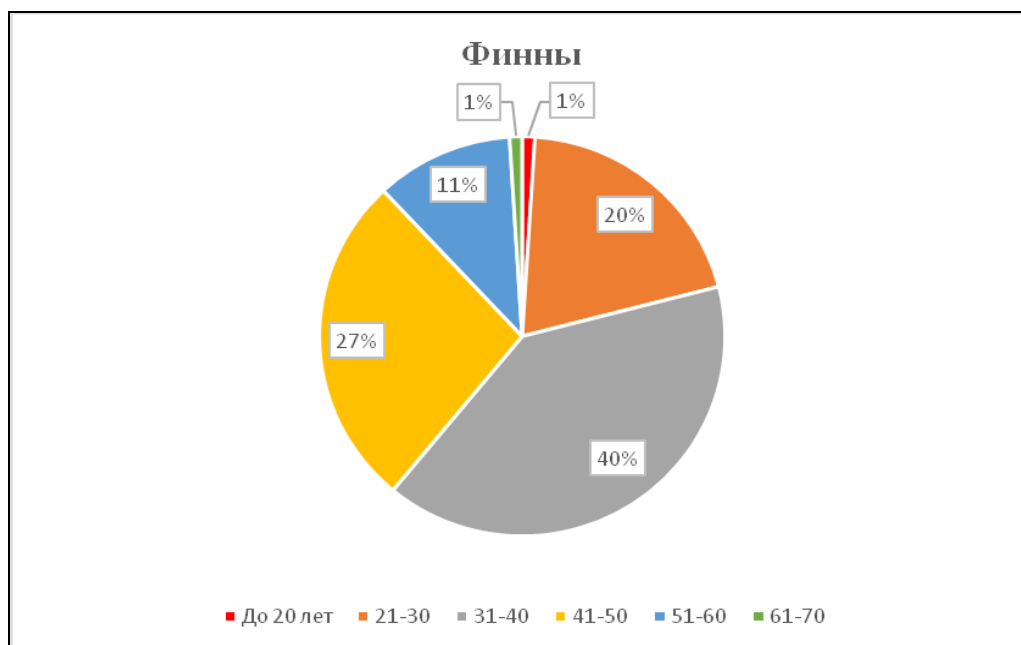
¹⁵⁶ Л. Лягушкина приводит следующие данные по изученным ею регионам: в Башкирии женщин приговаривали к ВМН в 5,2 % случаев, в Горьковской области — в 12 %, в Северной Осетии — в 14,4 %, в Алтайском крае — в 27 %. В Карелии этот показатель был 60 %. Русских женщин ВМН ожидала в 49 % случаев, а финнок — в 62 %: *Лягушкина Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР. С. 40.*

(Конец-остров, Ребольский район). Все трое были крестьянами, все трое были обвинены в шпионаже и по приговору тройки расстреляны.

Наиболее пострадавшими возрастными группами у карелов стали группы от 31 года до 50 лет (60 %), у финнов репрессированных в этом возрасте ещё больше — 67% (рис. 4–5).

Рис. 4

Рис. 5

Обращает на себя внимание и большое число подвергшихся репрессиям молодых людей в возрасте до 30 лет: среди карелов это 18 %, среди финнов —

21 % (по стране данные колеблются, как правило, в диапазоне 10–15 %¹⁵⁷). В случае с карелами вполне вероятно, что речь идёт о подростках детей карбеженцев, которых репрессировали, памятуя о «социально опасном» прошлом родителей. Дети финнов-эмигрантов, уроженцы тех мест, где работали их родители (Финляндия, Швеция, Норвегия, США) тоже не могли остаться без внимания НКВД. Финская молодёжь (как и заключённые), вероятно, была и своеобразным «резервом» у органов безопасности на случай невыполнения приказов сверху — их доля среди репрессированных явно возрастает на излёте Большого террора (рис. 6).

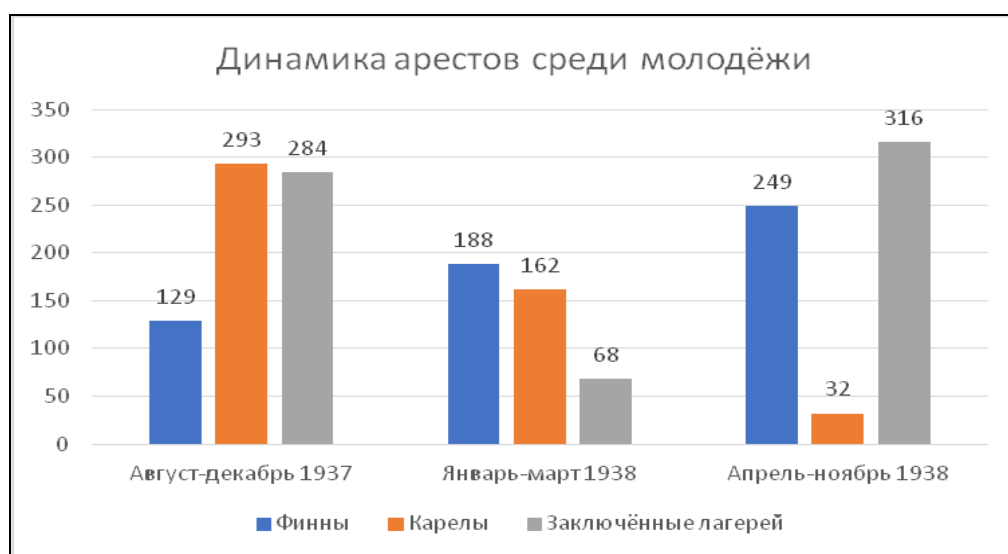

Рис. 6

Вот лишь один пример, когда в течение месяца была арестована вся кондопожская семья.

Пятидесятилетний финперевежчик Матти Лепистё, перешедший границу с женой и детьми в 1932 г., в конце тридцатых работал на кондопожском бумкомбинате слесарем. 1 июля 1938 г. его арестовали, а 20 сентября на своём первом заседании Особая тройка КАССР приговорила его к ВМН по ст. 58, п. 6, 7 (участие в контрреволюционной организации, экономическая контрреволюция). Расстрелян на следующий день в окрестностях Петрозаводска.

Тогда же, в июле (точной даты нет) была арестована его жена Сайми, работница бумкомбината. Её приговорили к ВМН 21 сентября по ст. 58, п. 10 (шпионаж) и расстреляли под Петрозаводском 23 сентября.

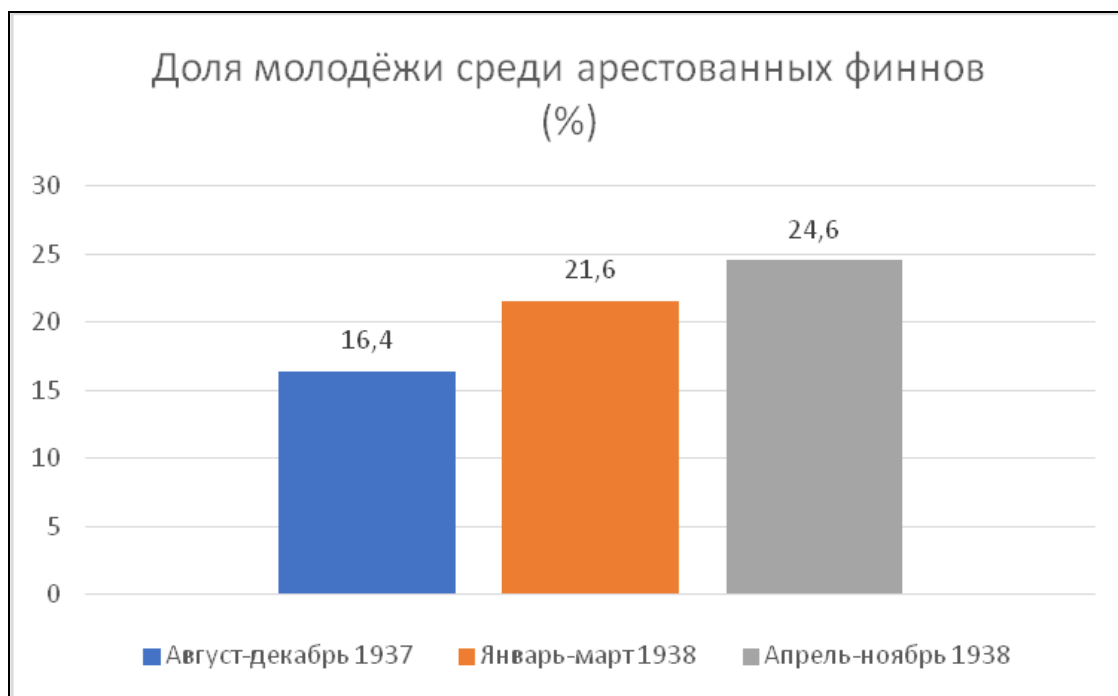
Их старшая 24-летняя дочь Сюльви, табельщица комбината, была арестована 21 июля 1938 г., 3 октября приговорена к ВМН по ст. 58, п. 6, 10,

¹⁵⁷ Лягушкина А. А. Там же. С. 39; Кодин Е. В. Репрессированная российская провинция. С. 24.

а 8 октября расстреляна. Такое же обвинение было предъявлено Особой тройкой и её младшей сестре восемнадцатилетней Маргет-Хельме, арестованной 29 июля 1938 г., правда приговор был мягче — три года лишения свободы. За четыре дня до её ареста, 25 июля из дома забрали пятнадцатилетнего Арво, который предстал перед Особой тройкой 4 октября. Контрреволюционную 58 статью вменить ему не могли, и он получил пять лет лагерей по ст. 19 (подготовка к преступным действиям) и 84 (въезд в СССР без разрешения властей).

Это не единственный случай, когда семьи финперебежчиков репрессировали чуть ли не в полном составе. Арво реабилитировали год спустя, в ноябре 1939, а всех остальных членов семьи только в 1962 г.

Как уже отмечалось, не вошли в базу данных сведения о многих людях, арестованных в самом конце массовых операций и осуждённых (или освобождённых) позже, в 1939 г. А они могли бы скорректировать в сторону увеличения число репрессированной в Карелии молодёжи (рис. 7). Так, в мартирологе Аргутиной мы находим не менее 20 молодых финнов в возрасте до 25 лет, арестованных уже после официального завершения массовых операций, в августе 1938 г. Почти половина из них — дети североамериканских финнов, уроженцы США.

Рис. 7

Л. Лягушкина в своей статье приводила общие данные по возрастному составу репрессированных в Карелии¹⁵⁸. Наш анализ сведений базы данных, включая заключённых и трудпоселенцев, даёт примерно такие же результаты (рис. 8).

Рис. 8

Доля расстрельных приговоров среди всех возрастных групп чрезвычайно велика:

Таблица 5

Возрастная группа	% расстрельных приговоров
До 20 лет	66,5
21–30	81,8
31–40	87,1
41–50	89,1
51–60	91,2
61–70	95,6
71 и старше	96,7

Чем старше был человек, тем меньше шансов у него было остаться в живых, это характерно для всех регионов страны, однако не с таким чудовищным

¹⁵⁸ Лягушкина Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР. С. 39.

процентом расстрелов. Из 30 осуждённых 1861–1867 годов рождения 29, включая самых старших, приговорили к расстрелу. Один «мягкий» приговор (десять лет лагерей), как ни странно, был вынесен двойкой родившемуся в Польше немцу, трудпоселенцу 72-летнему Казимиру Грисюку.

Совершенно беспрецедентно выглядит и доля приговорённых к расстрелу людей трудоспособного возраста, а также молодёжи до 20 лет. Для сравнения приведём аналогичную таблицу по трём другим регионам:

Таблица 6

Возрастная группа	% расстрельных приговоров		
	Алтайский край ¹⁵⁹	Горьковская область ¹⁶⁰	Башкирская АССР ¹⁶¹
До 20 лет	0,0	15,3	0,0
21-30	13,2	19,1	15,2
31-40	26,2	26,1	26,4
41-50	26,1	33,2	33,1
51-60	26,4	43,3	40,1
61-70	46,4	64,1	58,6
71 и старше	0,0	74,6	63,6

Совершенно очевидно, что в приграничной Карелии Большой террор был нацелен просто на физическое уничтожение людей вне зависимости от их социального статуса. Отметим в этой связи, что коммунисты и комсомольцы среди осуждённых составили чуть больше 8 % (7,4 и 0,8 соответственно)¹⁶².

По базе данных можно нагляднее продемонстрировать основные места расстрелов в республике (рис. 9).

¹⁵⁹ Подсчитано по: Мишина Е. М. Социальный портрет репрессированных в 1935–1937 гг. на Алтае: анализ базы данных и архивных документов // Историческая информатика. 2013. № 3. С. 12 (таблицы 3, 4); Книга памяти Алтайского края по базе данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007.

¹⁶⁰ Дягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. 2012. № 1 (сентябрь). С. 36 (таблица 2).

¹⁶¹ Её же. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «Книгам Памяти» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 310 (таблица 1).

¹⁶² Данные о партийной принадлежности в книге памяти отсутствуют у 3,8 % репрессированных — вполне допустимая статистическая погрешность.

Рис. 9

То, что Медгора стала основным местом расстрелов в 1937–1938 гг., объясняется не только наличием здесь «стальной» следственной бригады, «работавшей по финнам». Медвежьегорск был главным местом, где убивали заключённых Белбалтлагеря и находившихся здесь трудпоселенцев. Из более чем двух тысяч арестованных в районе они составляли 76 %. Кроме того, Медгора «обслуживала» все северные районы республики. Петрозаводская тюрьма стала основным местом сосредоточения арестованных в центральной Карелии, на долю которой приходится почти треть всех репрессированных в годы Большого террора (Петрозаводск, Прионежский, Кондопожский, Заонежский и Пряжинский районы). Здесь работала карельская тройка и составлялись списки-альбомы по национальным операциям.

Следует отметить, что около 200 репрессированных в Олонецком районе и не менее 75 в Кандалакшском были расстреляны и захоронены в Ленинграде на Левашовской пустоши, поскольку дела на них оформлялись следователями Ленинградской и Мурманской областей¹⁶³. Всего Левашовская пустошь как место расстрела упоминается в карельской книге памяти 350 раз.

Важно, что база данных позволяет проанализировать динамику массовых операций в районах Карелии (рис. 10¹⁶⁴).

¹⁶³ Кандалакшский район в мае 1938 г. был передан Мурманской области.

¹⁶⁴ Данные по Медвежьегорскому району здесь и при сравнении с переписью 1933 г. (рис. 11–12) приводятся без учёта репрессированных в 1937–1938 гг. заключённых и трудпоселенцев. Всего в районе было арестовано за указанный период 2206 человек.

Рис. 10

И. Чухин в своей книге уже анализировал особенности репрессий по отдельным районам республики¹⁶⁵. Несмотря на то, что база данных тогда не имела сегодняшнего наполнения и приводимые им цифры в ряде случаев отличаются от указанных здесь данных, основной его вывод о том, что между показателями численности населения, количеством, составом и долей репрессированных в районах нет прямой связи¹⁶⁶, вполне подтверждается.

С численностью и плотностью населения доля репрессированных по районам коррелирует слабо. Согласно всекарельской переписи 1933 г.¹⁶⁷, самыми большими по численности населения были Кандалакшский, Олонецкий, Медвежьегорский и Пудожский районы (от 34400 до 28200 человек), а самыми малонаселёнными — Сегозерский, Кестеньгский, Ругозерский¹⁶⁸ и Тунгудский (6500–5300 человек). С динамикой репрессий эти цифры соотносятся плохо (рис. 11).

¹⁶⁵ Чухин И. Карелия–37. С. 87–103.

¹⁶⁶ Там же. С. 89.

¹⁶⁷ Данных по населению районов Карелии в опубликованных материалах переписи 1937 г. нет. За четыре предшествующих года, конечно, произошли изменения в численности и составе населения республики, но вряд ли очень существенные. Сравнение с данными переписи населения 1933 г. позволяет нам проанализировать ситуацию в районах во время Большого террора. Здесь и далее (если не оговорено особо) подсчёты по: Перепись населения АКССР 1933 г. Петрозаводск, 1934. Вып. I. С. 1–6, 8–18.

¹⁶⁸ С ноября 1931 по ноябрь 1934 г. Ребольский район входил в состав Ругозерского, поэтому, когда идёт сравнение с данными переписи, цифры по репрессиям в этих районах объединяются.

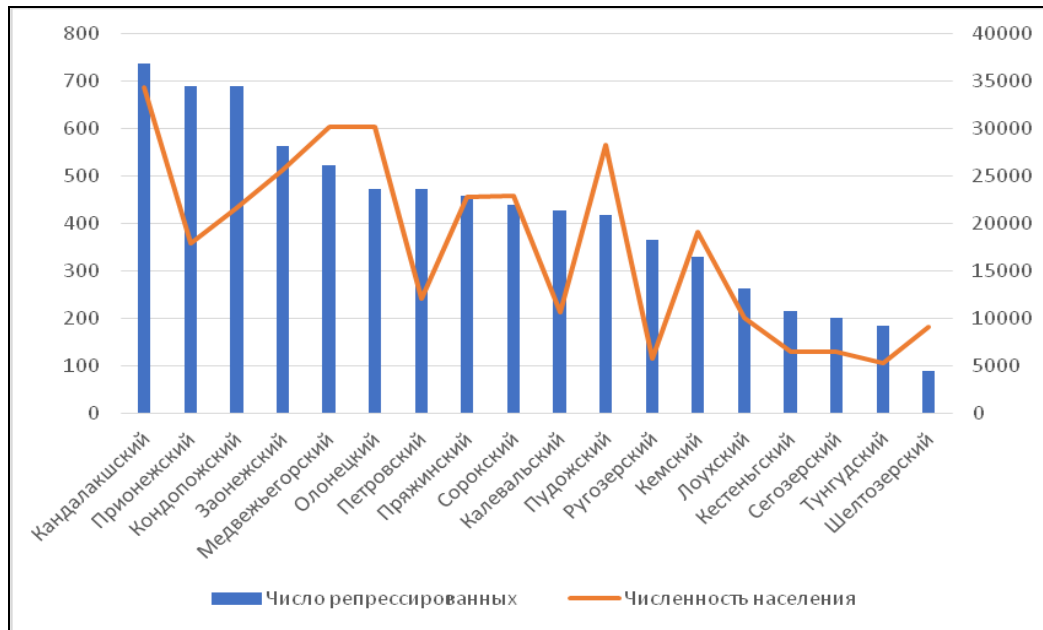

Рис. 11

Ещё сложнее проследить какую-то связь интенсивности репрессий с плотностью населения (рис. 12). Плотность населения самой большой в 1933 г. была Шёлтозерском, Заонежском, Кондопожском и Олонецком районах (от 13 до 8 жителей на км²), а самая низкая (от 0,4 до 0,8 жителей на км²) в Ругозерском, Калевальском, Кестеньгском и Сегозерском¹⁶⁹.

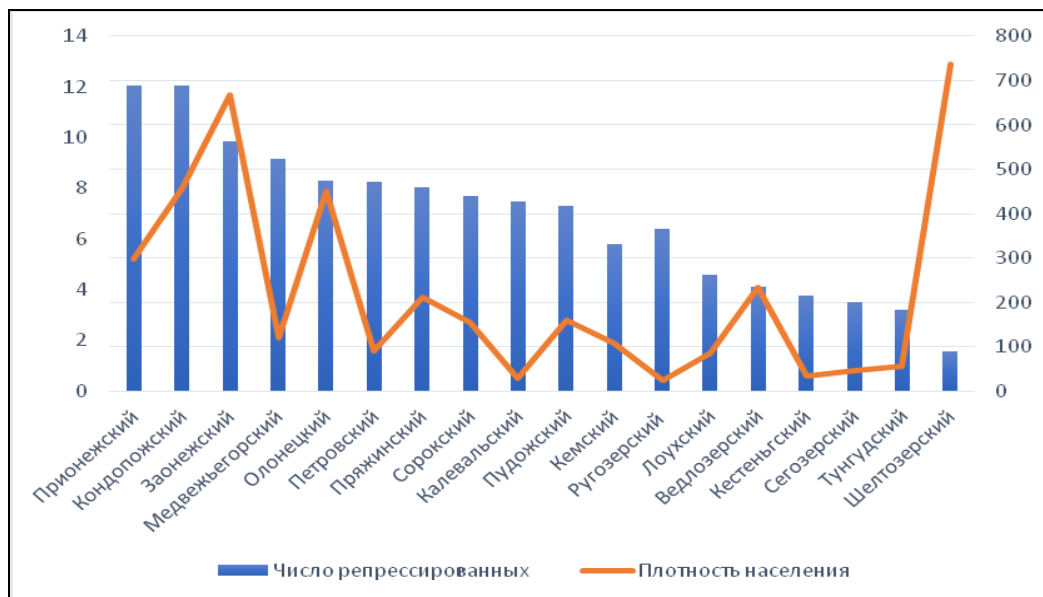

Рис. 12

¹⁶⁹ Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 45. Данных по Кандалакшскому району у Покровской нет.

Масштабы репрессий в том или ином районе зависели от других факторов и от степени их совокупности. Самыми важными, на наш взгляд, были близость к центру, наличие крупных предприятий, лесопромышленных комплексов и строек, пограничное положение и численность финского населения в районе.

Если вынести за скобки столицу Белбаллага Медгору, то первая пятёрка наиболее пострадавших от репрессий районов — это Петрозаводск, административный центр республики, самый населённый и экономически развитый город, Кандалакшский район с Нивастроём (40 % всех репрессированных в районе составили строители Нивской ГЭС) и ближайшие к Петрозаводску районы: Прионежский (совхозы, показательные леспромхозы, Соломенский лесозавод), Кондопожский (ЦБК, кирпичный, пегматитовый заводы, ГЭС) и Заонежский (известняковые разработки). В Прионежском, Кондопожском районах, как и в Петрозаводске, к тому же проживали самые крупные колонии финнов, которые и составили львиную долю репрессированных (в Петрозаводске — половину, рис. 13).

Рис. 13

В приграничных национальных районах — Олонецком, Петровском, Ругозерском, Ведлозерском, Кестеньгском, Ребольском, где карелы составляли от 82 до 95% населения, их доля среди репрессированных колебалась

от 62 до 96 %. Исключение составил Калевальский район (81 % карельского населения), где 59 % репрессированных составили финны. Здесь важным фактором помимо пограничности стало наличие в районе большой финской колонии (почти 10 % населения).

Значительная (48 %) доля других национальностей в Медвежьегорском районе объясняется интернациональным составом заключённых Белбаллага и трудпоселенцев. В северных районах (Кандалакшском, Сорокском, Кемском) на стройках и предприятиях трудилось немало людей разных национальностей. В Шёлтозерском районе львиную долю «других» составляют местные уроженцы вепсы.

Если сравнивать эти данные с численностью населения по переписи 1933 г., то становится очевидным — доля репрессированных в районе была тем выше, чем больше вышеперечисленных факторов соединялось на данной территории. В отдалённых внутренних районах Карелии с преимущественно русским населением доля репрессированных от общего числа жителей, как правило, была меньше среднестатистического значения 1937 г. 2,2–2,5 %: Медвежьегорский район (без заключённых и трудпоселенцев) — 1,4 %, Пудожский — 1,5 %, Кемский — 1,7 %, Сорокский — 1,9 %. В малочисленном Шёлтозерском районе, на 80 % заселённом вепсами, было репрессировано менее одного процента жителей. Финское население в этих районах колебалось от 0,3 % (Сорокский район) до 2,4 % (Шёлтозерский).

Доля репрессированных росла по мере приближения территории к границе и/или к Петрозаводску: Кандалакшский район — 2,1 % Заонежский — 2,2 %, Лоухский — 2,6 %, Сегозерский — 3,1 %, Кондопожский — 3,2 %, Прионежский — 3,3 %, Тунгудский и Кестеньгский — по 3,4 %, Петровский — 3,9 %, Калевальский — 4 %, Ругозерский и Ребольский — 6,3 %. Привязка к финскому фактору здесь просматривается не всегда. Самые крупные колонии финнов были в Кондопожском районе — 5,4 % населения, Тунгудском — 5,9 %, Калевальском — 9,5 % и Прионежском — 10 %, а в Петровском районе финнов было всего 0,7 %. В данном случае главным оказалось пограничное положение. Тем не менее очевидно, что интенсивность репрессий в районах с большой концентрацией финнов была значительно выше средних показателей по республике (рис. 14).

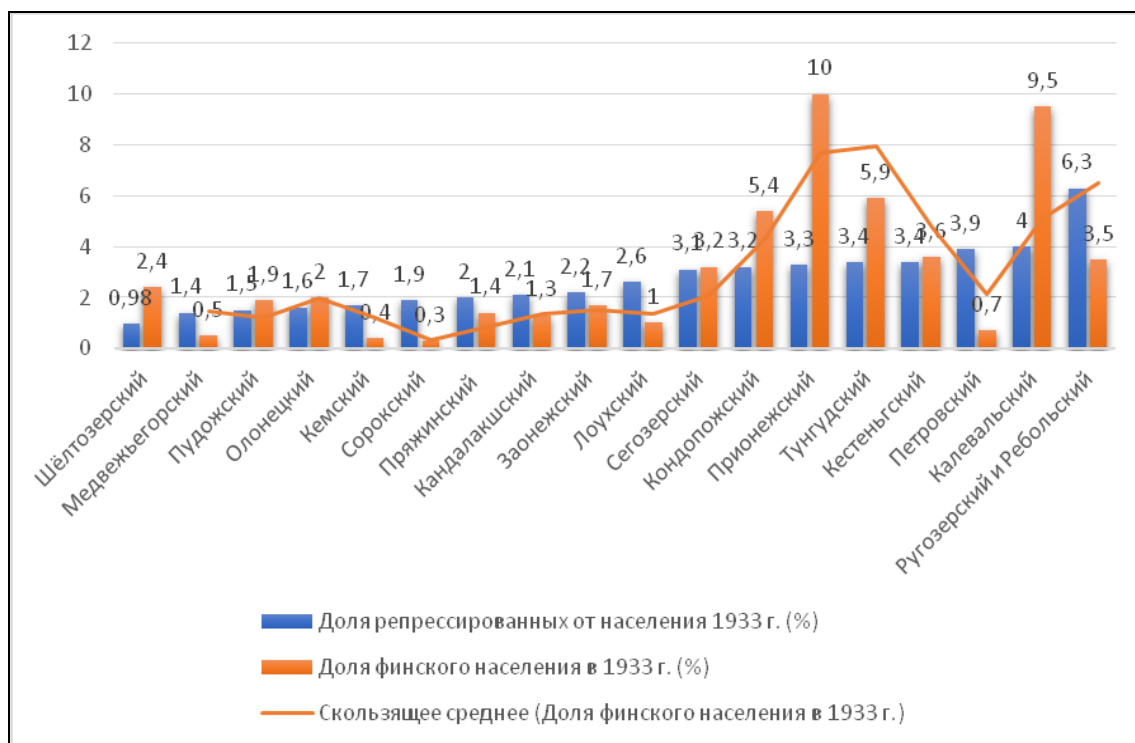

Рис. 14

Когда же соединялось несколько факторов, уровень репрессий начинал зашкаливать.

В Ругозерском сельсовете пограничного Ругозерского района было репрессировано 7,7 % населения (леспромхоз), в Ондозерском с/с — 7,8 % (крупная тракторная база), а в Андроновогорском с/с — 10,3 %, хотя никаких промышленных объектов там не было. Почти все репрессированные были карелами — лесорубы, колхозники, рыбаки. В данном случае видимо сыграла свою роль близость 73-го (ребольского) погранотряда, в котором была создана одна из пяти дополнительных бригад по ускоренному ведению следственных дел. В Ухтинском сельсовете Калевальского погранрайона района было репрессировано 8,7 % жителей, почти все в самой Ухте (районный центр, много финнов, большой промкомбинат, леспромхоз, колхоз). В Мунозерском сельсовете пограничного Петровского района, где находилась большая Моторинская автобаза и расположен административный центр Спасская Губа, репрессировали 8,2 % жителей.

В целом на долю восьми погранрайонов приходится около 38 % всех репрессированных, так что фактор приграничности не всегда был решающим.

В маленьком рабочем посёлке Кондопога (57 км от Петрозаводска) с крупным бумажным комбинатом и долей финского населения в 18 % было репрессировано почти 10 % жителей. А в Матросском сельсовете центрального Прионежского района, где находились показательные Матросская и Вилговская механизированные базы и трудились в основном американские финны, было

репрессировано 18,2 % населения (95 % из них финны). Напомним, что эти, самые пострадавшие во время Большого террора места, «вражескими гнёздами» были названы Тенисоном уже в сентябре 1937 г.

Зависимость динамики репрессий от численности карельского населения района не так очевидна, тем не менее самыми пострадавшими были пять национальных районов с долей карельского населения выше 80 % (рис. 15).

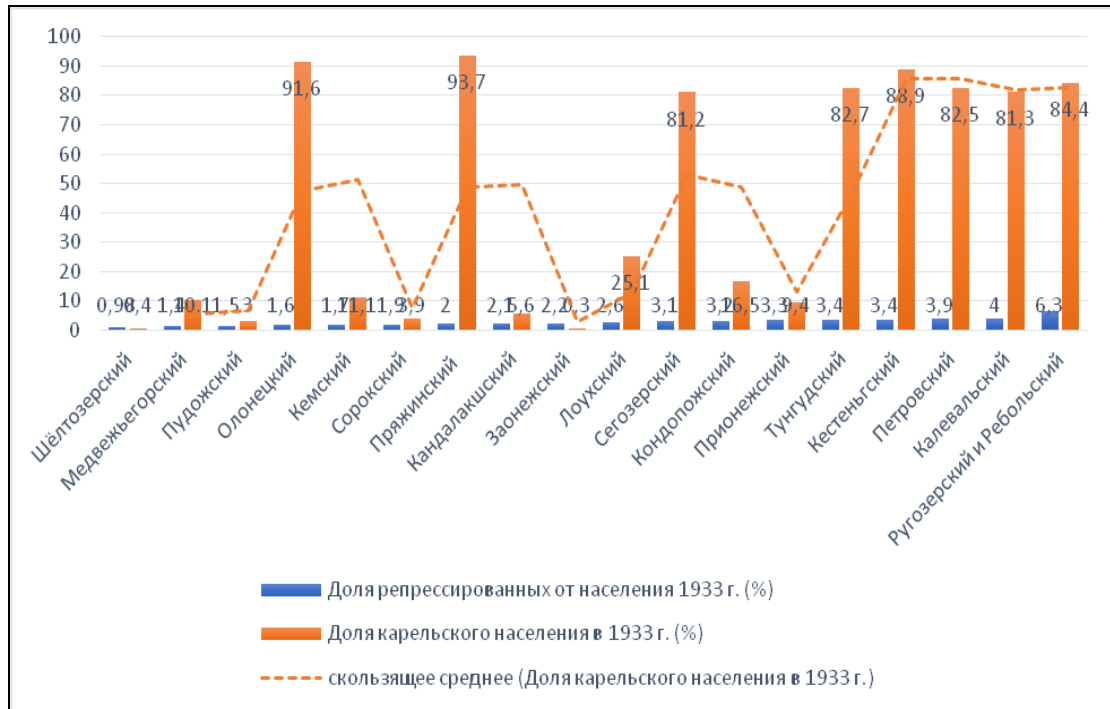

Рис. 15

Обращает на себя внимание, что интенсивность репрессий в Олонецком и Пряжинском районах, соседствующих и с границей, и с Петрозаводском, и на 92–94 % заселённых карелами, оказалась одной из самых низких — 1,6 и 2 % населения соответственно. Причём она не сопрягается напрямую с финским или карельским факторами. Однако следует помнить, что в 1935 г. из восьми сельсоветов Пряжинского и пяти сельсоветов Олонецкого районов был образован приграничный Ведлозерский район¹⁷⁰, в котором было репрессировано не менее 235 человек. Если сопоставить количество репрессированных в этих трёх районах с численностью населения 1933 г. данных территорий, то доля жертв Большого террора здесь приближается к среднестатистической по Карелии — 2,2 %.

¹⁷⁰ Покровская И. П. Население Карелии. С. 44.

Превалирование «национального» или «кулацкого» направления Большого террора уже напрямую зависело от доли финского населения в районе (рис. 16, районы расположены в порядке убывания финского населения).

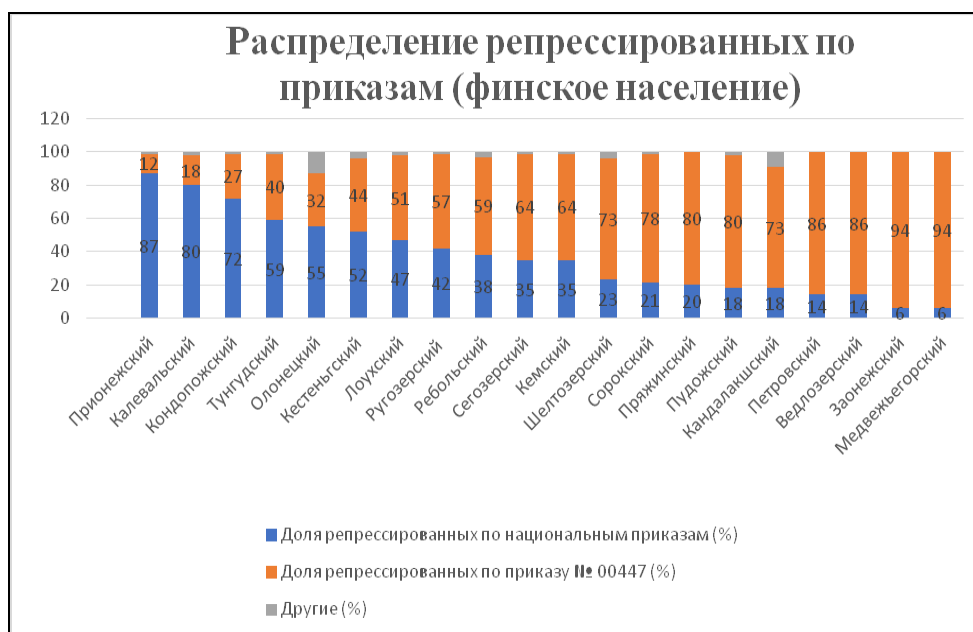

Рис. 16

Этого нельзя сказать о районах с преобладающим карельским населением. Большинство карелов, как мы уже отмечали, было репрессировано по приказу № 00447, что прослеживается и в распределении основных направлений террора по районам (рис. 17, районы расположены в порядке убывания карельского населения).

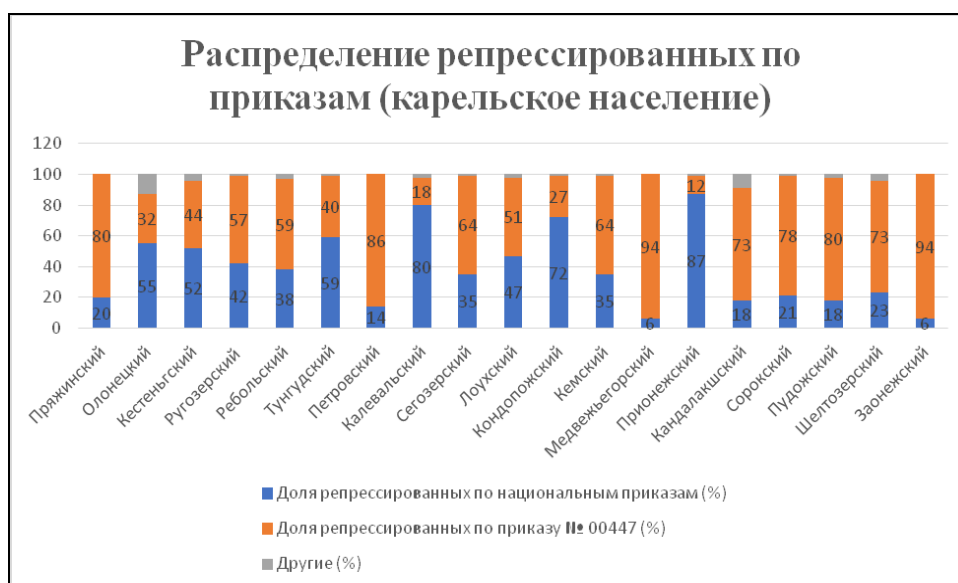

Рис. 17

Анализ данных о распределении репрессий в районах по годам свидетельствует, что первыми под удар попали пограничные районы, затем начинают «чистить» центр, потом очередь доходит до отдалённых северных регионов. Впрочем, во многих местах репрессии шли с достаточной долей интенсивности и в 1937, и в 1938 г. (рис. 18).

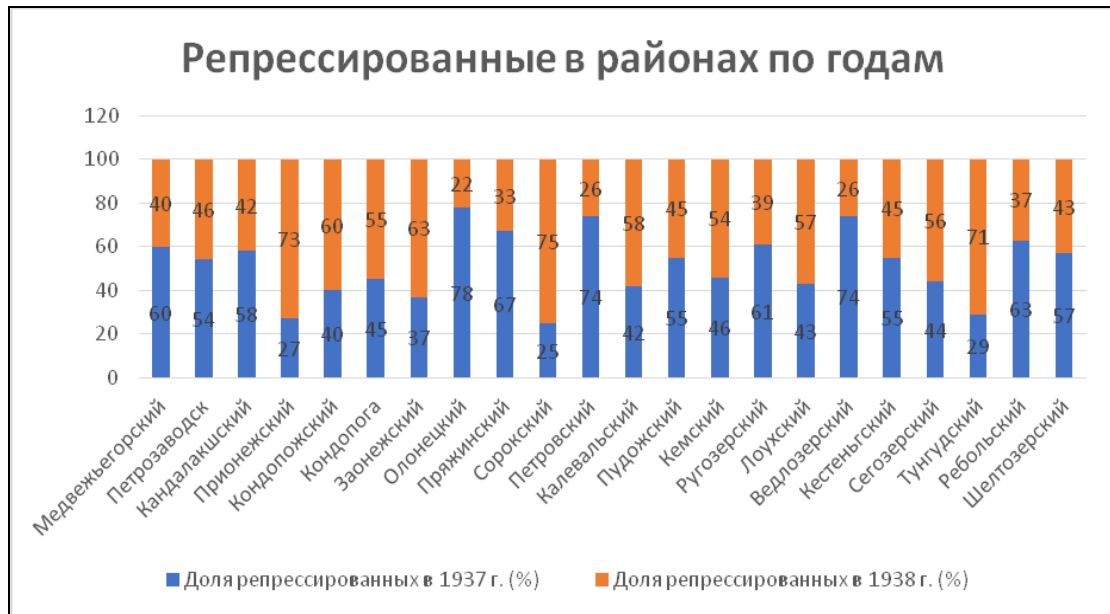

Рис. 18

Интересно выглядит ситуация в Прионежском районе, где доля репрессированных была достаточно велика — 3,3 % населения. Основной вал репрессий (73 %) там пришёлся на 1938 г., хотя Петрозаводск и соседний Кондопожский район активно «чистить» начали ещё до начала Большого террора. Возможно, этот столичный район какое-то время держали как некий резерв на случай невыполнения заданий центра или продления сроков террора.

Об окончательных цифрах репрессированных жителей Карелии во время Большого террора, говорить ещё рано. Но в целом анализ базы данных подтверждает выводы, сделанные по архивным документам об особой жестокости Большого террора в Карелии, о его нарастании в 1938 г. и о важности здесь т. н. национальной составляющей репрессий.

Таблица 7

	05.08– 31.12.1937	01.01– 17.11.1938	Всего
Арестовано	5 072	5 115	10 187
Осуждено	5 927	7 040	12 967
в т. ч. к ВМН	5 018	6 208	11 226

Вместе с тем мы бы не стали определять национальные операции как откровенную «этнизацию террора», о чём пишут некоторые исследователи¹⁷¹. Документы, появлявшиеся параллельно с т. н. национальными приказами и директивами, со всей очевидностью свидетельствуют, что расширение репрессируемых контингентов происходило не столько по этническому, сколько по политическому, в том числе внешнеполитическому, принципу. Ещё в марте 1936 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов», согласно которому политэмигранты оказались одними из главных «агентов разведывательных и полицейских органов капиталистических государств». В Циркуляре НКВД СССР «Об иностранцах» (август 1937 г.) названа была уже 21 страна (в том числе и Финляндия), гражданам которых предписывалось прекратить продление видов на жительство¹⁷². Этот циркуляр объясняет появление в карельских документах таких «национальных» линий как английская, турецкая, шведская, французская, итальянская и венгерская¹⁷³. О том же свидетельствуют и приговоры, вынесенные осуждённому по национальным линиям, в которых преобладают обвинения в шпионаже и повстанческой контрреволюционной деятельности.

Этнизацию террора, точнее создание впечатления об усилении репрессий по национальному принципу, можно приписать скорее деятельности местных властей, старавшихся истово выполнять указания центра. Документы и списки репрессированных показывают, что решающими факторами для включения потенциальной жертвы в списки «национальных» операций была та или иная связь человека с границей, а не его этническая принадлежность¹⁷⁴. Финны-иммигранты, конечно, были в Карелии вне конкуренции. В Петрозаводске, например, где число репрессированных было самым большим по республике (1273 человек по базе данных), финны-иммигранты составили 48 % всех жертв

---

¹⁷¹ См.: *Баберовски Г.* Красный террор: История сталинизма. М., 2007. С. 187; *Его же.* Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство 1917–53 // *Ab Imperio.* 2006. № 1. С. 183; *Снайдер Т.* Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным Киев, 2015. С. 127, 145, 428; *Naimark N. M.* Stalin's Genocides. Princeton, 2010. P. 1.

¹⁷² *Ожотин Н. Г., Рогинский А. Б.* «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника.

¹⁷³ Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д. 169. Т. 1. Л. 5–8.

¹⁷⁴ Выводы о несостоятельности тезиса об этнизации террора мы находим и в других исследованиях. Авторы работы по национальным операциям в Грузии подчеркивают, что там решающим фактором для репрессий по национальным линиям был не этнический фактор, а связи с зарубежьем, «антисоветское» поведение и «подозрительный» социальный статус репрессируемого. См.: *Большевистский порядок в Грузии.* В 2 т. М., 2015. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. С. 201, 341–345.

массовых операций при доле в 7 % от населения города. Примечательно и то, что из числа репрессированных в столице Карелии уроженцы республики составляли лишь 20 %, а родившиеся в других государствах (Финляндия, США, Канада, Польша, Швеция, Прибалтийские страны) — около половины.

Немаловажную роль в динамике репрессий в Карелии играли и давние трансграничные (экономические и родственные) связи коренного населения — карелов с Финляндией.

Сильная зависимость интенсивности репрессий на местах от т. н. финского фактора возвращает нас к вопросу о политике населения большевиков. Представляется, что национальные операции Большого террора следует рассматривать в общем контексте массовых репрессий как одного из важных элементов этой политики. Острые национальных операций было направлено на те категории людей, чье истинное или мнимое инакомыслие было порождено знакомством с другими системами организации общества. Новое советское поколение, выросшее после революции, не должно было знать об этой другой жизни, чтобы ему не с чем было сравнивать окружающую их действительность. Недаром главными жертвами национальных линий стали политэмигранты, перебежчики и иностранные специалисты. Они видели жизнь других стран и во многом успели разочароваться в социалистической идее. Региональные различия при проведении национальных операций были достаточно велики — в приграничных регионах по очевидным причинам они оказались жёстче, чем во внутренних районах страны. И потому эффект от них оказался сильнее. В Карелии, где физически были уничтожены тысячи финнов, причем мужчины из числа перебежчиков и политэмигрантов едва ли не поголовно, запугать уцелевших в этой бойне удалось настолько, что они замолчали на пятьдесят лет¹⁷⁵.

Несомненно, что массовые операции Большого террора инициировались и достаточно жёстко управлялись ЦК ВКП(б). Периодические чистки в ходе террора аппарата НКВД свидетельствуют, что наркомат был прежде всего инструментом в политике населения, хотя и обладающим большой инициативой и самостоятельностью. Вместе с тем многое, происходившее на местах, зависело от активности и предприимчивости региональных органов управления.

Очевидно, что в каждом регионе власти преследовали те группы населения, которые расценивали как проблемные именно для этого региона. Карельская специфика заключалась в том, что близость границы, давние тесные связи

---

¹⁷⁵ См.: *Golubev A., Takala I.* The Search for a Socialist El Dorado. P. 142–155, 171–173.

местных жителей с соседями, наличие иностранцев делали политику населения в крае наиболее жёсткой, а террор кровавым.

Список литературы

Анттикоски, Э. Стратегия карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы / Э. Анттикоски // В семье единой: национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920-1950-е годы. — Петрозаводск : Kikimora ; Изд-во ПетрГУ, 1998. — С. 207–222.

Баберовски, Й. Красный террор: История сталинизма / Й. Баберовски. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 227 с.

Баберовский Й. Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство 1917–53 / Й. Баберовски // Ab Imperio. — 2006. — № 1. — Р. 177–196.

Барон, Н. Власть и пространство: автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939 / Н. Барон. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 398 с.

Белоусов, К. Ф. Лингвист ≠ Фашист или дело о несостоявшемся процессе / К. Ф. Белоусов // Север. — 2014. — № 1–2. — С. 178–185.

Большевицкий порядок в Грузии : в 2 т. / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. — Москва : АИРО-XXI, 2015. — Т. 1. Большой террор в маленькой кавказской республике. — 638 с.

Всесоюзная перепись 1937 г.: общие итоги : сборник документов и материалов. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 318 с.

Голдман, В. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий / В. Голдман. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 334 с.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 : документы / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. — Москва : Материк, 2000. — 885 с.

Жданова, Г. Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 / Г. Д. Жданова // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. : массовая операция на основе приказа № 00447. — Москва : РОССПЭН, 2009. — С. 718–745.

Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] / [подгот. В. А. Крахотиным и В. В. Фроловым]. — Москва : Мемориал, 2001. — Электрон. опт. диск (CD).

Историография сталинизма / Под ред. Н. А. Симония. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 478 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 944 с.

История сталинизма: жизнь в терроре : социальные аспекты репрессий : материалы международной научной конференции : Санкт-Петербург, 18–

20 октября 2012 г. — Москва : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. — 485 с.

История Сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 томах. — Москва : РОССПЭН, 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. — 726 с.

Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов / сост. А. Цыганков. — Петрозаводск : Карелия, 1992. — 334 с.

Карельское «дело» : дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации». — Тверь : Упрполиграфиздат, 1991. — 39 с.

Кип, Д. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Д. Кип, А. Литвин. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 327 с.

Кодин, Е. В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 / Е. В. Кодин. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 269 с.

Кропачев, С. А. От лжи к покаянию: отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах / С. А. Кропачев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. — 192 с.

Кропачев, С. А. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография / С. А. Кропачев, Е. Ф. Кринко. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 349 с.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД : архив Сталина : документы высших органов партийной и государственной власти : 1937–1938. — Москва : Международный фонд «Демократия», 2004. — 734 с.

Лягушкина, Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР / Л. А. Лягушкина // Вестник Пермского университета. Серия «История». — 2014. — № 3. — С. 36–44.

Лягушкина, Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.) : сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти» : дис... канд. ист. наук / Людмила Алексеевна Лягушкина. — Москва, 2016. — 354 с.

Лягушкина, Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.) : анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области / Л. А. Лягушкина // Историческая информатика. — 2012. — № 1 (сентябрь). — С. 30–43.

Лягушкина, Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «Книгам Памяти» / Л. А. Лягушкина // История сталинизма: жизнь в терроре : социальные аспекты репрессий : материалы международной научной конференции : Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. — Москва : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. — С. 305–316.

Мишина, Е. М. Социальный портрет репрессированных в 1935-1937 гг. на Алтае: анализ базы данных и архивных документов / Е. М. Мишина // Историческая информатика. — 2013. — № 3. — С. 3–14.

Мозохин, О. Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953) / О. Б. Мозохин. — Москва ; Жуковский : Кучково поле, 2006. — 479 с.

Нерар, Ф-К. Пять процентов правды: разоблачение и доносительство в сталинском СССР. 1928–1941 / Ф-К. Нерар. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 397 с.

Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. — Петрозаводск : Скандинавия, 2008. — 432 с.

Охотин Н. Г. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Электронный ресурс] / Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. — URL: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html. — (11.11.2018).

Петров Н. «Сталинский питомец» — Николай Ежов / Н. Петров, М. Янсен. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 446 с.

Петров, Н. В. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. / Н. Петров, А. Б. Рогинский // Репрессии против поляков и польских граждан. — Москва : Звенья, 1997. — С. 22–39.

Покровская, И. П. Население Карелии / И. П. Покровская. — Петрозаводск : Карелия, 1978. — 192 с.

Поминальные списки Карелии. Уничтоженная Карелия : 1937–1938. — Петрозаводск : б. и., 2002. — Ч. 2. : Большой террор.— 1088 с.

Рогинский, А. Б. «Аресту подлежат жены...» / А. Б. Рогинский, А. Ю. Даниэль // Узницы «Алжира». Список женщин–заключённых Акмолинского и других отделений Карлага. — Москва : Звенья, 2003. — 567 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — Москва : Республика ; Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. — 222 с.

Снайдер, Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным / Т. Снайдер. — Киев: Дуліби, 2015. — 584 с.

Степанов, М. Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.) / М. Г. Степанов. — Абакан : Бригантина, 2008. — 159 с.

Такала, И. «Дело Гюллинга-Ровио» / И. Такала // Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов. — Петрозаводск : Карелия, 1992. — С. 34–73.

Такала, И. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов / И. Такала // Вопросы истории Европейского Севера. —

Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 1993. — С. 111–129.

Такала, И. Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры / И. Такала. — Санкт-Петербург : Издательство «Журнал Нева», 2002. — 172 с.

Такала, И. Р. «Всех прочим памятным уроком»: об изучении национальных операций Большого террора / И. Такала // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. — 2016. — № 1 (3). — С. 173–191.

Такала, И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии / И. Такала // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / И. Такала. — Петрозаводск : Kikimora ; Изд-во ПетрГУ, 1998. — С. 161–206.

Такала, И. Р. Репрессии в Кондопоге / И. Такала // Кондопожский край в истории Карелии и России. — Петрозаводск — Кондопога : б. и., 2000. — С. 217–222.

Тепляков, А. Г. Эпоха репрессий: субъекты и объекты / А. Г. Тепляков // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / год редакцией Г. А. Бордюгова. — Москва : АИРО-XXI, 2013. — С. 1135–1169.

Хаустов, В. Н. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Н. Хаустов, Л. Самуэльсон. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 430 с.

Хлевнюк, О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии / О. В. Хлевнюк // Историческая наука и образование на рубеже веков. — Москва : Собрание, 2004. — С. 433–451.

Холквист, П. Вычислить, изъять и истребить: статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России / П. Холквист // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / год ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. — Москва : РОССПЭН, 2011. — С. 139–179.

Чухин, И. Жестокая статистика репрессий / И. Чухин // Северный Курьер. — 1997. — 15 января.

Чухин, И. Особая папка: санкции на погром / И. Чухин // Северный Курьер. — 1993. — 10 июля.

Чухин, И. Тайна одной «операции» / И. Чухин // Петрозаводск. — 1995. — 7 апреля. — С. 12.

Чухин, И. И. Карелия–37: идеология и практика террора / И. И. Чухин. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1999. — 160 с.

Шлегель, К. Террор и мечта. Москва 1937 / К. Шлегель. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 741 с.

Юнге, М. Как террор стал «Большим» / М. Юнге, Р. Биннер. — Москва : АИРО-XX, 2003. — 352 с.

Юнге М. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. — Москва : Новый хронограф, 2008. — 778 с.

Ellman, M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 / M. Ellman // *Europe-Asia Studies*. — 2010. — 62 (6) . — P. 915–931.

Getty, A. J. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s / A. J. Getty // *The Russian Review*. — 2002. — Vol 61, no. 1. — P. 112–137.

Golubev, A. The Search for Socialist El Dorado: Finnish Immigration from the United States and Canada to Soviet Karelia in the 1930s / A. Golubev, I. Takala. — East Lansing (MI) : Michigan State University Press, 2014. — 236 p.

Gregory, P. Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin / P. Gregory. — New Haven : Yale University Press, 2009. — 346 p.

Ilič, M. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis / M. Ilič // *Europe-Asia Studies*. — 2000. — Vol. 52, no. 8. — P. 1515–1534.

Keep, J. L. H. Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millennium / J. L. H. Keep, Alter L. Litvin. — London ; New York : Routledge, 2005. — 248 p.

Lahti-Argutina, E. Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun / E. Lahti-Argutina. — Turku : Siirtolaisuusinstituutti, 2001. — 651 s.

Naimark, N. M. Stalin's Genocides / N. M. Naimark. — Princeton : Princeton University Press, 2010. — 163 p.

Takala, I. 'Border Locked!' Special Aspects of State Terror in the Karelian Border Region of the 1920s – first half of the 1930s / I. Takala // *Revue d'histoire nordique — Nordic Historical Review*. — 2015. — № 19. — P. 103–127.

Takala, I. ”Ikimuistoksen läksyn me kaikille luemme” — Suuren terrorin kansallisuusoperaatioiden erityispiirteitä Karjalassa / I. Takala // *Historiallinen aikakauskirja*. — 2017. — № 3. — S. 291–302.

Takala, I. The Great Purge / I. Takala // *Journal of Finnish Studies*. — 2011. — Volume 15, issues 1 & 2. Victims and Survivors of Karelia. — P. 152–166.